

КУИНИ СПЕНСЕР

Бестселлер
New York Times

ГДЕ СОБАКА
ЗАРЫТА

Собачья работа (АСТ)

Спенсер Куинн
Где собака зарыта

«Издательство АСТ»

2010

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Куинн С.

Где собака зарыта / С. Куинн — «Издательство АСТ»,
2010 — (Собачья работа (АСТ))

ISBN 978-5-17-152058-8

Привет! Я – Чет, настоящая собака-детектив. Со мной работает Берни – мой помощник. В этот раз нас с Берни ждало, казалось бы, самое скучное дело на свете: расследовать угрозы в адрес какой-то выставочной болонки, Принцессы. Но кто бы мог подумать, что такая ерунда превратится в серьезное дело? Принцессу и ее хозяйку похитили. А следом за ними исчезла и подруга Берни, репортер. Конечно, мне тут же пришлось взяться за дело!

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-152058-8

© Куинн С., 2010

© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Глава пятая	28
Глава шестая	33
Глава седьмая	38
Глава восьмая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Спенсер Куинн Где собака зарыта

Spencer Quinn
Thereby Hangs a Tail

© Spencer Quinn, 2010
© Коложвари, М., перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Эта история посвящена Диане.

Глава первая

Бандит заозирался – ну и мерзкий же у него был взгляд! – и пришел к выводу, что бежать ему некуда. Дело происходило на каком-то большом и темном складе. Под потолком – мрачноватые окна, у стен – высоченные штабеля разнообразных механизмов. Я понятия не имел, причем тут вообще был склад и как он относился к делу, но одно знал наверняка: этот парень совершенно точно отъявленный бандит, это по одному его мерзопакостному взгляду понятно. В воздухе повис кислотоватый аромат приближающейся победы, чем-то напоминающий запах тех кошерных соленых огурчиков, которые Берни вечно клал в сэндвичи – я как-то попробовал один, и это был последний и единственный раз, когда я был согласен съесть кошерный огурчик. А вот против сэндвичей я ничего не имею.

В общем, я бросился вперед и схватил бандита за штанину. Дело закрыто.

В ответ бандит жутко заорал – и это был абсолютно кошмарный, визгливый звук, от которого хотелось немедленно зажать уши. К сожалению, сделать я этого не мог. Не подумайте, я не жалуясь – я собой полностью доволен, пусть и уши у меня, оказывается, разные. Но об этом, впрочем, я расскажу как-нибудь в другой раз. Так вот, бандит завопил, и до меня дошло, что схватил я его не только за штанину. Такое иногда случается – все-таки зубы у меня длиннее и острее ваших, так что перестараться тут немудрено.

Так, а это... Да, точно, теперь я ясно почувствовал во рту привкус крови. Извините, ошибочка вышла.

Хотя, по правде говоря, ошибочка довольно приятная.

– Убери его! – заорал бандит. – Я сдаюсь.

К нам подбежал Берни.

– Хорошая работа, Чет, – сказал он, пыхтя и отдуваясь. Бедняга. Берни отчаянно и абсолютно безуспешно пытался бросить курить.

– Да убери ты его! Он меня укусил!

– Чет не кусается, – возразил Берни. – Уж точно не нарочно.

– Не нарочно? Да что ты несешь...

– Но с другой стороны, сейчас Четю очень понравилось бы получить от тебя признание во всем.

– Чего? Да это же просто гребаная собака.

– Повежливее, – строго сказал Берни.

Бандит перевел на меня ошалелый взгляд, затем вновь взглянул на Берни. Какой же мерзкий все-таки тип.

– Но это собака.

– Совершенно верно, – подтвердил Берни.

Я завилял хвостом и, поддавшись настроению – кто не обрадуется тому, что выполнил свою работу на отлично? – самую малость встряхнул головой.

– Ай-ай-ай! Я сознаюсь! Я во всем сознаюсь!

– В чем?

– В чем? В том что украл драгоценности из «Эль-камино». Слушай, ради всего святого...

– Украл драгоценности? – переспросил Берни. – Мы тут поводу поджога в баре «Ранчо».

– И в этом тоже, – быстро проговорил бандит. – Только убери его.

– Чет? – позвал Берни. – Эй, Чет?

Ладно-ладно. Кстати, вы никогда не замечали, какая человеческая кровь вкусная?

Несколько часов спустя мы закрыли целых два дела – одно о поджоге, а другое – о похищенных драгоценностях, и это было очень кстати. С финансами у нас было туго – алименты

на жену и ребенка и так отнимали немалую часть зарплаты, а тут еще Берни крайне неудачно вложился в компанию, которая придумала выпускать гавайские штаны. Это как гавайские рубашки – Берни иногда их носит – но только штаны. Да и с работой было не все слава богу – в основном – слезка за неверными супругами и никакого веселья. Мы с Берни управляли детективным агентством «Детективное агентство Литтла», названное так в честь фамилии Берни – собственно, Литтл. А меня зовут Чет – просто и со вкусом.

Наш штаб – а по совместительству и дом, в котором мы жили – находился на Мескит-роуд. Местечко тут было симпатичное – перед домом росло большое дерево, под которым было так сладко спать, а через задний двор можно было выйти напрямиком к каньону, если, конечно, кто-нибудь позаботится оставить открытой калитку. А в каньоне... Ладно, я что-то увлекся.

– Время как следует отпраздновать, – заявил Берни. – Как насчет жевательной косточки? Он что, всерьез спрашивает? Кто вообще откажется от жевательной косточки?

Берни открыл кухонный шкафчик, висящий над раковиной – там он хранил все мои лакомства. Так было не всегда. Когда-то было время – очень приятное время, надо сказать – когда вкусности лежали прямо на нижних полках стеллажа. Продлилось это недолго.

– И раз уж такое дело... – Ой-ей: тут Берни потянулся за бутылкой бурбона, стоящей рядом с коробкой косточек.

Мы вышли на задний двор, расположились поудобнее и принялись наблюдать, как над каньоном садится закатное солнце. Берни устроился за столом и знай потягивал бурбон, я – под столом, пытаюсь справиться с упругой жевательной косточкой. Это была не просто какая-то там косточка. Это была косточка высшего сорта, сделанная из сыровяленой свиной кожи и обладающей тонким вкусом бекона. Производство – «Ровер-энд-Кампани». Фирмой вроде как владел наш приятель Саймон, с которым мы познакомились, когда занимались поисками пропавшего человека. В таких делах мы были первоклассными специалистами.

Запах бекона – лучший запах в мире – окутал меня плотным облаком. Я кинул на Берни взгляд сквозь прозрачное стекло столешницы. Интересно, чувствовал ли он этот аромат? Скорее всего, нет. Меня всегда поражало, как слабо развито его – да и всех остальных людей в целом – обоняние.

Берни взглянул на меня в ответ.

– О чем думаешь, приятель? Ставлю на то, что вспоминаешь, как ты загнал того парня в угол, – а вот и не угадал. Правда, в этот же момент Берни наклонился и почесал меня между ушами, – и я вдруг осознал, что все это время умирал от желания, чтобы кто-то почесал меня именно в этом месте. Мой хвост пару раз дернулся, и Берни рассмеялся. – Всегда знаю, что у тебя на уме, – вовсе нет, но спорить я не собирался. Пока он чешет меня за ушами – прямо как надо, глубоко погружая пальцы в шерсть – он волен верить во все что угодно.

Берни вдруг убрал руку – как всегда, слишком уж быстро – и сказал:

– Как насчет «Горной засады»? Я считаю, мы это заслужили.

Я тут же вскочил на ноги, одним махом проглатывая то, что осталось от жевательной косточки. Салун-стейкхаус «Горная засада» был одним из наших любимейших мест. Перед входной дверью у них стоял вырезанный из дерева ковбой в натуральную величину – как-то раз я задрал перед ним лапу, что с моей стороны, конечно, было очень нехорошим поступком, но противостоять соблазну я не мог – а позади находилась очень приятная веранда, где всегда можно было посидеть, наслаждаясь ужином.

Мы отправились к поршу – старенький, без верха, он служил заменой чуть менее древнему поршу-без-верха, канувшему на самое дно каньона. Этот день я никогда не забуду.

Ладно, если честно, то большую его часть я уже забыл.

Новый старый порш был коричневым, с желтыми дверями. Берни сел за руль, я – на пассажирское сиденье рядом. Люблю ездить на переднем месте – а кто вообще не любит? Я

высунул голову, подставив нос ветру. Запахи пролетали мимо, исчезая быстрее, чем я мог разобраться в том, что они значили. Удовольствие, которое, боюсь, никогда не постичь вам, людям.

– Эй, Чет, приятель. Уступи и мне немного места, – ой. Слишком уж навалился на Берни. Я сдвинулся ближе к своей двери. – И хватит пускать слюни.

Я? Слюни пускаю? Я отодвинулся так далеко, как только мог, и неподвижно замер на месте – спина прямая, глаза смотрят прямо на дорогу, взгляд серьезный. Между прочим, не только у меня тут проблемы со слюноотделением. Я много раз видел, как Берни слюнявит во сне подушку. И Леда, его бывшая жена, тоже была неоднократно за этим замечена. Так что люди тоже еще как слюни пускают. И разве я хоть раз кого-то этим упрекнул? Сделал хоть малейшее замечание? Стал относиться хуже? То-то же.

Вскоре мы уже сидели на веранде стейкхауса, расположившись у барной стойки – Берни на стуле, я рядом, на полу. Солнце уже припекало не так сильно – да что там припекало, придавливало своим жаром к земле, словно тяжелое одеяло, наброшенное сверху – но температура еще не спала, так что лежать на холодных плитах пола было одним удовольствием.

– Что это там? – спросил Берни, кивком головы указывая на противоположную сторону улицы.

– Что «что»? – уточнил бармен.

– Дырка в земле.

– Да это для многоквартирного дома. То ли в десять этажей, то ли в пятнадцать.

Выразительные, темные брови Берни обладали своим собственным языком. Иногда – вот прямо как сейчас – они приходили в движение, и все лицо Берни, обычно довольно приятное на вид, некрасиво темнело.

– А когда водоносный горизонт пересохнет, что они делать будут? – сказал он.

– Водоносный горизонт? – переспросил бармен.

– Вы вообще знаете, сколько сейчас людей в Долине живет?

– Во всей долине? – уточнил бармен. – Ну, в том доме наверняка поместятся.

Берни бросил на него выразительный взгляд и заказал двойной виски.

К нам подошла официантка в ковбойской шляпе.

– Неужто это Чет? Давненько я тебя не видела, – она опустила на колени и потрепала меня по голове. – Ты как, все еще любишь мясные обрезки? – а с чего бы это должно измениться? – Эй, полегче, мальчик.

Берни заказал бургер и еще бурбона, а мне взял мясных обрезков и воды. Лицо его снова стало прежним – к моему большому облегчению. Берни вечно беспокоился о водоносном горизонте, и иногда его порядком заносило. Вся здешняя вода выкачивается именно оттуда – я множество раз слышал, как Берни об этом рассказывает, хотя, честно говоря, сам ни разу никакого водоносного горизонта не видел, чем бы это за штука ни была. Я вообще плохо понимал, в чем соль: в Долине было предостаточно воды – как иначе объяснить все эти брызгалки на площадках для гольфа, которые неизменно включаются утром и вечером? От них еще появляются абсолютно чудесные маленькие радуги. В общем, воды у нас было – хоть залейся.

Я встал и ткнул головой в бедро Берни. Он легонько почесал меня между бровей – в том самом месте, куда я ни за что не дотянулся бы. Чистое блаженство. Тут же я заметил упавшую под стул картошку фри и мигом ее подобрал.

Спустя пару стаканов бурбона на веранду зашел лейтенант Стайн из городской полиции – маленький человечек в опрятном темном костюме. Когда-то давно Берни доводилось с ним работать – действительно давно, еще до моих приключений в кинологической школе (меня выперли в самый последний день, в общем, история долгая, и в ней прямым образом был замешан кот). Впоследствии лейтенант Стайн помог нам с Берни обрести друг друга, хотя точных деталей я уже и не вспомню.

- Слышал, ты закрыл дело об «Эль-Камино», – сказал лейтенант. – Хорошая работа.
- По большей части мне просто повезло, – ответил Берни.
- С чистосердечным признанием тебе тоже просто повезло?
- Это уже работа Чета.

Лейтенант Стайн перевел взгляд вниз и увидел меня. Лицо у него было узкое, губы – тонкие, и я очень редко видел, чтобы он улыбался. Сейчас он, тем не менее, улыбнулся – и выглядело это слегка угрожающе.

- А он хороший дознаватель, – заметил лейтенант.
- Лучший, – подтвердил Берни. Я вильнул хвостом.

– Я так понимаю, награда за это дело тоже неплохая, – как бы невзначай сказал лейтенант Стайн. Сидящий неподалеку парень в гавайской рубашке при этих словах тут же перевел на нас заинтересованный взгляд.

- Не жалуюсь, – не стал увливать Берни. – Что будешь пить?

Спустя минуту они уже чокались стаканами. К этому времени я уже не мог сосчитать, сколько виски успел заказать Берни. Счет – это вообще не моя сильная сторона, по крайней мере, когда речь идет о количестве больше двух.

– Рад, что я на вас наткнулся, – сказал лейтенант Стайн. – У меня тут есть дельце, которое может оказаться в вашей компетенции.

- Это ты о чем?

Лейтенант Стайн бросил на меня взгляд.

– Да точно в вашей компетенции, если так подумать, – сказал он. – И прибыльное к тому же.

– Мы все внимание, – уверил его Берни. Лейтенант Стайн понизил голос – не настолько, конечно, чтобы я пропустил что-то мимо ушей. Я уже говорил, какой у меня острый слух, или я только про зубы рассказывал? Вот вам пример: прямо сейчас я слышал, как женщина, сидящая на дальней стороне веранды, говорит в свой телефон: «Они увеличили мне дозировку лекарств». Это звучало очень интересно, так что я полностью упустил начало фразы лейтенанта Стайна, но уловил самый конец:

- Собачья выставка «Грейт-Вестерн».
- Никогда о такой не слышал, – ответил Берни.
- Я удивлен. О ней много разговоров было.

Берни пожал плечами. Я обожаю, когда он так делает. Вот бы и я так умел! Я попробовал повторить этот жест, но добился только вставшей на загривке шерсти.

– ...состоится на Арене в конце следующей недели, – продолжал лейтенант. – Раньше ее проводили в Денвере, но мэру удалось заманить организаторов к нам.

- Зачем?
- Ради денег, которые они привлекут в Долину, зачем же еще?
- Каких денег?

– Еда, напитки, бронь в гостиницах – вся эта туристическая чепуха, – объяснил лейтенант Стайн. – Одни только цветы принесут кучу прибыли.

- Цветы?
- Именно, – подтвердил лейтенант. – Люди, которые приедут посмотреть на «Грейт-Вестерн», принадлежат к совершенно определенному экономическому классу. Любимому экономическому классу нашего мэра, надо заметить.

- Я думал, этот парень реформист.

– Много кто так думает.

– И что таинственный наниматель хочет, чтобы я сделал? – спросил Берни, заливая в себя бурбон. – Предоставил комнату для съема?

Лейтенант Стайн рассмеялся. Было в его смехе что-то металлическое, от чего уши у меня заболели.

– Не совсем, – сказал он. – По правде говоря, не то чтобы речь шла именно о тебе – он, скорее всего, о тебе никогда и не слышал – но ему нужен кто-то вроде тебя.

– Зачем?

Лейтенант заговорил еще тише.

– Для охраны.

– Не-а.

– Не-а? Вот так просто?

– Мы не нанимаемся в телохранители.

– А как же дело о Рамирезе-младшем?

– После этого и не нанимаемся.

– Тут все по-другому. Во-первых, тебе заплатят две штуки в день. Во-вторых, по сравнению с психованным идиотом Рамирезом этот клиент – просто прогулка в парке, – лейтенант Стайн снова рассмеялся своим металлическим смехом. – Причем в буквальном смысле.

– Две штуки? – переспросил Берни.

– И премия, если не возникнет никаких сложностей.

– Кто клиент? – и, несмотря на то, что я прекрасно помнил, каково было сторожить Рамиреза-младшего – и особенно хорошо я помнил инцидент с мороженым и бритвой – я был рад. С финансами у нас было туго, а две штуки это две штуки, а целая неделя, когда тебе платят две штуки, это... ну, в общем, сами посчитайте.

Лейтенант Стайн достал из кармана куртку фотографию.

– Это еще что? – спросил Берни.

– Это ее длиннющее имя, написанное на обороте, – сказал лейтенант. – Белл, первая Леди Кингсберри. Но обычно ее зовут просто принцессой.

– Клиентка что, собака?

Я сел. Берни глазел на фото, и я тоже смог бросить на него взгляд. Что, кто-то из моего рода был на этой фотографии? Да где? Наконец, я ее заметил: крохотный пушистый шар с огромными темными глазами, возлежащий на атласной подушке. С атласными подушками я был знаком: у Леды была такая. Потом, правда, я ее сжевал в каком-то припадке безумия, но о подробностях даже не просите – помню я это смутно. Но вкус шелка я запомнил: странный, интригующе-необычный, он ярко отпечатался на подкорке моей памяти.

Я оглядел бар. Никаких признаков атласа.

– Не просто собака, – поправил лейтенант Стайн. – Принцесса – одна из лучших собак страны. Она выиграла первое место на выставке в Балморале.

– Где?

– Ты не знаешь про Балморал? Его по телевизору каждый год крутят – это крупнейшая собачья выставка в стране.

– Никогда не слышал, – покачал головой Берни, и лейтенант Стайн косо на него посмотрел. Я нередко видел, как другие друзья Берни кидают на него тот же взгляд – и сержант Торренс из отдела розыска пропавших людей, и Отис ДеВейн, у которого мы покупали оружие – но никогда не знал, что этот взгляд должен значить.

– Значит, ты работу не хочешь? – спросил лейтенант.

Работу? Какую работу? Убедиться, что никто не обидит пушистый шар на атласной подушке? Это не работа, это халявные деньги. Не глупи, Берни.

– А кто хозяйка собаки? – спросил он.

– Женщина по имени Аделина Боргезе.

– Откуда она?

– Из Италии, по-моему. У нее есть несколько предприятий в Рио Локо.

– Рио Локо? – переспросил Берни. – Я с ней поговорю.

Лейтенант кивнул.

– Знал, что ты не сможешь отказать такому количеству деньжищ.

Мужик в гавайской рубашке снова заинтересованно на нас взглянул, а брови Берни слегка опустились к переносице.

– Просто поговорю с ней, и все. Может, я и не соглашусь.

Лейтенант Стайн ушел. Я доел мясные обрезки и вытянулся на прохладных плитах пола. Что за жизнь! Я с наслаждением вспоминал недавно пережитую погоню. И еще раз. И еще.

Через какое-то время я заметил, что парень в гавайской рубашке пересел поближе к Берни и завел разговор – сначала о гавайских рубашках, потом переключился на что-то еще.

– Я управляю, можно сказать, хеджевым фондом для самых маленьких.

– Для самых маленьких? – не понял Берни.

– Не в смысле умственных способностей и всякого, – быстро поправился парень в гавайской рубашке. – Я имею в виду, для умелых людей, которые по той или иной причине не стали инсайдерами Уолл-Стрит. В последнее время я неплохо поднялся на сырьевых товарах. Вы знакомы с основами фьючерсных сделок на олово?

Бри потянулся за стаканом, по пути свалив солонку с перечницей.

– Вряд ли это так сложно, – сказал он.

– Именно, – подтвердил парень в гавайской рубашке. А когда бармен протянул Берни бурбон, добавил, – я сам заплачу.

Дальше они принялись обсуждать олово, подъем и падение акций, Боливию и прочие загадочные вещи. Веки у меня стали тяжелыми, слишком тяжелыми, чтобы держать их открытыми. Я позволил им закрыться и отключился. Это ведь всего лишь безобидный разговор. Пока чековая книжка Берни покоится в его кармане, мы в порядке.

Некоторое время спустя я проснулся, чувствуя себя просто превосходно. Я встал, как следует отряхнулся и огляделся. В баре не осталось никого кроме меня, бармена, парня в гавайской рубашке и Берни. Единственным абсолютно трезвым существом был я. Потом в списке шел бармен, за ним парень в гавайской рубашке, и только затем – мертвецки пьяный Берни.

И он уже достал чековую книжку.

Глава вторая

В старые времена, когда с нами еще жила Леда, я спал в коридоре, привалившись спиной к двери – Леда отчего-то совершенно не желала видеть меня в спальне. Теперь же я сплю на кровати в ногах у Берни, устроившись на том старом комковатом одеяле, что мы с ним купили на распродаже. Его комковатая набивка вызывает у меня очень приятные ощущения, которые очень сложно объяснить. Однако в те ночи, когда Берни начинает храпеть – например, когда перед этим мы наслаждались вечером в «Сухом ущелье» – я возвращаюсь к своему привычному месту у входной двери. Именно поэтому я и услышал, как неподалеку остановилась машина.

Еще толком даже не рассвело. Я встал, подошел к высокому и узкому окну рядом с входной дверью, и выглянул наружу. Водитель, одетый весь в черное, вышел из машины и распахнул заднюю дверь. Наружу показалась некая блондинка – тоже вся в черном. Очень уж много черного без всякого предупреждения. Я тут же начал лаять, толком не понимая, почему. Из соседнего дома тут же послышалось визгливое: «Тяв! Тяв! Тяв!» – это проснулся Игги. Я залаял громче, и Игги не отставал. Он вообще был замечательным другом. Мы провели вместе множество замечательных дней – о, я с удовольствием бы рассказал вам пару историй. Потом, правда, к дому Игги завернул торговец электроошейниками. К новому ошейнику Игги так и не привык, поэтому большую часть времени оставался взаперти.

У нас с Берни, конечно, никаких электроошейников не было и быть не могло. Берни тогда взял у торговца ошейник, бодрым шагом вышел за пределы ограды, и его тут же сильно потрянуло током. Ошалело качая головой, Берни отправил торговца вместе с его электрическими ошейниками восвояси. Зачем вообще эти штуки нужны? Лично я не склонен убежать – за исключением, конечно, тех случаев, когда ведущая к каньону калитка остается открытой; или когда до моих ноздрей доносится притягательный аромат лисы; или когда по улице едет странная машина; или когда я вдруг слышу...

Женщина в черном быстрым шагом зашагала по тротуару. Ее украшения сияли в лучах показавшегося из-за крыш солнца. Я пригляделся: кольцо на ее пальце сверкало особенно ярко. У Леды было похожее, но гораздо меньше. Точнее, стоило бы сказать, когда-то у Леды было похожее, потому что совсем незадолго до того, как они с Берни расстались, произошла очень неприятная история, где меня обвинили в пропаже кольца. Зачем, спрашивается, мне понадобилось бы зарывать чужое кольцо? Есть ли у меня хотя бы обрывочное воспоминание о том, как я занимался хоть чем-нибудь отдаленно схожим? Конечно, нет. Так что я себя виноватым совершенно не чувствую.

Женщина наклонилась к двери и нажала на кнопку звонка, но тот уже давным-давно не работал, а Берни все никак не мог найти время, чтобы его починить – как и уйму других сломавшихся вещей. Время от времени он все же доставал ящик с инструментами и предпринимал попытку сократить список неотложных ремонтных дел. О, какие потрясающе интересные это были дни! В прошлый раз он взорвал тостер, а еще как-то раз туалет...

Тук-тук. Женщина в черном сообщила, что звонок не работает – и надо сказать, сделала она это быстрее, чем большинство других посетителей. Мне этот звук почему-то ужасно не понравился, и я снова начал лаять. Ко мне тут же подключился Игги. Женщина застучала еще пуще – не в смысле сильнее или громче, скорее с таким быстрым, раскатистым звуком: тра-та-та-та. Похоже на стук каблуков по гладкому полу.

– Есть здесь кто? – в ее голосе чувствовалась сталь. – Откройте.

Я помчался по коридору – мимо пустующей комнаты Чарли (что означало, что сейчас не каждые вторые выходные и не День благодарения, или о чем там Берни и Леда в итоге договорились), напрямик в комнату Берни. Он лежал на спине, распростершись на перекрученных

простынях и прикрыв рукой глаза. В воздухе чувствовался запах бурбона и сигарет – и еще запах Берни, которому не мешало бы помыться.

Я гавкнул – не слишком громко, все-таки, мне было его жалко. Я знал, что ему сейчас нужно, потому что видел его в такой ситуации неоднократно: поспать, выпить обезболивающее, заварить кофе, потом полежать с холодным мокрым полотенцем на лбу.

Тук-тук-тук.

Словом, время эта женщина выбрала крайне неподходящее. Я гавкнул еще раз, теперь громче.

– Ух, – слабым голосом произнес Берни. – Кха.

Я подошел к краю кровати и потянул за угол свисающего одеяла. Берни потянул назад. Вообще он был большим и сильным мужчиной, но прямо сейчас был слаб, как ребенок. Я выдернул из-под него простынь.

– Чет, какого черта? – простонал Берни, все еще прикрывая глаза рукой.

Я тем временем каким-то образом запутался в простыне с ног до головы. Теперь я ровным счетом ничего не видел – и это всегда меня жутко бесило. Я заметался из стороны в сторону, пытаюсь сорвать с головы ткань, катался по полу – и судя по звуку, свалил что-то с тумбочки – и в конце концов смог вырваться на свободу. Берни уже сидел на краю кровати, приоткрыв один красный глаз.

– Поспать, – прохрипел он. – Мне нужно еще...

Тук-тук-тук.

Берни открыл второй глаз – каким-то образом еще более красный, чем первый.

– Что? – сказал он. – Кто?

Я гавкнул.

– Кто-то у двери? – Берни потянулся к будильнику, стоящему у кровати. Судя по всему, это было плохой идеей, потому что он тут же сморщился. – Ай, – сощурившись на будильник, Берни протер глаза, посмотрел на цифры повнимательнее. – Сейчас ведь только...

Тук-тук-тук-тук-тук! Этот грохот сводил меня с ума – и возможно, не только меня одного. Берни приложил к голове ладонь, встал, покачиваясь, словно комната перед ним вертелась из стороны в сторону, и поплелся в ванную. Вскоре оттуда послышалось журчание, и я живо вспомнил, что мне тоже не помешало бы в туалет. Затем зашумела вода в кране, щелкнула крышка флакончика с таблетками – этот звук мне всегда нравился.

Стук тем временем продолжался, а Игги не прекращал неистово таявкать. Довольно скоро Берни вышел из ванной. Он успел побриться, причесать волосы – правда, сбоку все равно торчала выбившаяся прядка, но это было не очень заметно – и надеть халат в горошек. Затем, придерживая халат одной рукой – я припомнил, что пояс от него в прошлый визит Чарли мы использовали для игры в перетягивание халата, и в итоге мы всей кучей рухнули на пол (но пояс остался у меня, а значит, я выиграл, верно? В этом же смысл игры?) – так вот, затем... о чем это я... Ах да, точно: Берни двинулся к входной двери.

Тук-тук-тук.

– Господь всемогущий, – сказал Берни. – Да иду я, иду.

Он повернул дверную ручку и потянул дверь на себя – кажется, куда сильнее, чем собирався – широко распахнув дверь. Рука Берни соскользнула, и дверь с грохотом ударилась о стену. Вторая рука Берни, придерживающая халат в горошек, тоже соскользнула, и полы его разошлись.

Взгляд блондинки – глаза у нее светло-зеленые, как мне показалось, но не верьте мне на слово, Берни всегда говорил, что с цветами у меня не очень – опустился вниз. Глаза у нее расширились. Затем она перевела взгляд на лицо Берни, недовольно прищурившись.

– Похоже, я ошиблась, – сказала она. Однажды мы с Берни смотрели по Дискавери передачу про полярных медведей – классные же они! – и там был один такой кадр с длинной острой

льдинкой – с нее еще медленно капала вода. В Долине никаких льдов, конечно, отродясь не было, но по какой-то причине голос женщины прочно ассоциировался именно с этим кадром. Подумать только, как забавно работает наш мозг.

Берни тем временем только растерянно моргал.

– Гм, – сказал он.

– Я искала частного детектива по имени Берни Литтл, – сказала женщина.

– Бинго, – подтвердил Берни.

– Прошу прощения?

– Вы его нашли, вот что я имел в виду. Я Берни Литтл. А это, – он повернулся и махнул рукой в мою сторону, и полы его халата на мгновение разошлись вновь, – это Чет.

Женщина перевела на меня настороженный взгляд. Мой хвост сам собой заходил из стороны в сторону.

– Чем могу помочь? – продолжил Берни.

– Меня зовут Аделина Боргезе, – сказала женщина.

– Приятно познакомиться, – Берни протянул ей ладонь. Аделина Боргезе на это никак не отреагировала.

– Тот полицейский ничего вам не сказал? – спросила она. – Я думала, все уже улажено.

– А, – вспомнил Берни. – Клиент с нелеп... – он резко замолчал. – Проходите, пожалуйста. Кабинет там, – он махнул рукой в сторону коридора. Взгляд Аделины последовал вслед за движением его руки, после чего остановился на лежащих на полу трусах. Берни это тоже заметил. – Э-э, она в отпуске, – сказал он. – Горничная.

У нас что, горничная есть? Мне столько всего нравится в Берни – например, с ним каждый день узнаешь что-то новое! Но сейчас было не время об этом думать. Я пулей вылетел на улицу, домчался до булыжника в конце подъездной дорожки и задрал заднюю лапу. Тут же я услышал знакомое «тяв-тяв-тяв», и, все еще с задранной лапой, обернулся на звук – я могу голову почти на сто восемьдесят градусов повернуть, если понадобится – и увидел в окне соседнего дома Игги. Его, конечно, всегда приятно увидеть, но... Ой. Знаете что? Он тоже задрал заднюю лапу.

Вскоре после этого мы уже сидели в кабинете – Аделина Боргезе на стуле для посетителей, Берни – за своим столом, я – неподалеку. Берни успел переодеться – теперь на нем были штаны цвета хаки, рубашка была заправлена, а на ногах красовались туфли, и выглядел он куда как лучше. Еще он сварил кофе. Я запах кофе обожаю, хотя на вкус он мне не особенно нравится. Я из всех напитков выбирал воду, хотя однажды, когда я оказался посреди пустыни вместе с группой байкеров, то провел веселенькую ночь с пивом. Но сейчас не об этом. Берни замечательно расспрашивает людей о сути дела. Его умение вести расспросы и мой нос – вот что, я считаю, так возвышало детективное агентство Литтла над всеми прочими.

Я устроился поудобнее и принялся смотреть, как Берни работает.

– Сливки? Сахар? – спросил он, наливая кофе.

– Черный, – ответила Аделина Боргезе.

– Я тоже пью черный, – заметил Берни. – У нас есть что-то общее.

Видите, о чем я? Просто блестяще. Правда, эта женщина оказалась твердым орешком, потому что в ответ на эту фразу она только поджала губы.

– Мечтайте.

Берни отхлебнул кофе, и руки у него подрагивали.

– Ах, – сказал он. – Кофе что надо.

Аделина Боргезе отпила из своей чашки, не сказала ни слова и больше ни разу к ней не притронулась.

– Я так понимаю, вы хозяйка Царевны, – сказал Берни. Рот Аделины Боргезе искривился, словно ей под нос сунули что-то очень дурнопахнущее.

– Царевны?

– Ну... Разве не так зовут эту не... – он замолчал. – О чем я вообще? Принцесса. Конечно же, Принцесса. Я так понимаю, вы хозяйка Принцессы.

– Верно, – подтвердила Аделина Боргезе. – Но, по правде говоря, я не считаю, что наши отношения можно описать как «хозяйка и ее собственность».

– Вы скорее команда?

Последовала короткая пауза, и когда Аделина заговорила вновь, тон у нее был уже не таким ледяным.

– Можно и так сказать. Принцесса очень особенная собака. Она великолепна в соревнованиях.

– В каких?

– На собачьих выставках, – голос Аделины вновь похолодел. – Что вам вообще рассказал этот полицейский?

– Все, что нужно, – заверил ее Берни. – Просто о соревновании речь так и не зашла, вот и все.

– О чем еще вы могли говорить? На собачьих выставках соревнуются, а Принцесса, она как... Майкл Джордан.

Берни обожал баскетбол, и у него было полным-полно старых кассет с записями матчей, так что с Майклом Джорданом я был знаком. И Аделина думает, мы поверим, что этот маленький комочек шерсти может забросить в корзину мяч? Как я неоднократно убеждался на своем собственном опыте – нам с баскетбольным мячом справиться не так-то и просто.

– О каком призовом фонде идет речь? – спросил Берни.

– Призовом фонде?

– Если Принцесса выигрывает, сколько вы получите?

– Она получит голубую ленточку.

– И никаких денег?

– Что может быть лучше голубой ленточки? Она их просто обожает.

Берни улыбнулся – улыбка получилась слабой и быстро угасла. Он отпил еще один глоток кофе, и я с удовольствием заметил, что руки у него больше не дрожали.

– Я бы хотел с ней встретиться, – сказал он. – Но должен предупредить: мы с Четом редко работаем телохранителями, и собак мы раньше не охраняли.

– Чет? – переспросила Аделина.

– Мы тоже одна команда.

Аделина наклонилась и смерила меня изучающим взглядом.

– А ему можно доверять?

– Что вы имеете в виду? – с прохладцей в голосе спросил Берни.

– Она маленькая собачка, – объяснила она. – А он выглядит довольно большим. И я не совсем понимаю, какой он породы. И что это с его ушами?

Опять про уши? Ну это просто грубо. Уверен, у нее уши тоже не идеально симметричные. И что с того, что края моих ушей немного обтрепались? Когда ты работаешь детективом, то неизбежно влезаешь в драки. Вы бы видели, что случилось с моим соперником.

Голос Берни стал еще холоднее.

– В Долине множество частных детективов, – сказал он. – Я могу вам кого-нибудь порекомендовать.

– У меня, черт возьми, нет времени на... – Аделина резко замолчала. – В этом нет нужды. О вас высоко отзываются. Вы известны даже в Нью-Йорке.

Я обернулся, чтобы посмотреть на Берни: у того на лице застыло выражение глубокого удивления, однако вслух он ничего не сказал.

– Вас удовлетворяют условия? – спросила Аделина. – Две тысячи в день, начиная с сегодня и до конца выставки?

Плюс расходы. Давай, Берни, скажи: плюс расходы.

Но он ничего не сказал, только кивнул.

– Полагаю, вам нужен гонорар, – продолжила Аделина.

– Не сейчас, – ответил Берни. Не сейчас? Это еще почему? – Для начала у нас есть несколько вопросов.

Правда что ли? Интересно. Не терпится услышать.

– Вопросов какого рода?

Берни принялся загибать пальцы. Я просто обожаю, когда он так делает! Он вообще умнейший человек в мире, даже если не все это согласны признать.

– Первый: часто ли выставочные собаки обзаводятся телохранителями?

– Нет.

– Второе: а вы часто нанимаете телохранителя для Принцессы?

– Нет. И пожалуйста, перестаньте загибать пальцы. Мой муж вечно так делает, и я этого терпеть не могу.

Берни сложил руки на столе.

– Значит, есть и мистер Боргезе? – поинтересовался он.

– Не совсем. Мой муж – граф.

Берни наклонился вперед. Может, он не расслышал.

– Повторите-ка?

– Граф, мистер Литтл. Это значит: мелкий европейский аристократ.

– А, – понял Берни. – Conte, как говорят в Италии.

– Верно.

– Значит, вы графиня.

– Давайте об этом не будем. Можете звать меня просто Аделина.

– А я – просто Берни, – со смешком сказал Берни, словно только что отколол отличную шутку. Аделина не засмеялась, и, по правде говоря, до меня тоже не дошло, что тут смешного. Берни прочистил горло – я так тоже умею, правда, куда как громче – была у него такая привычка, когда он понимал, что облажался. – Значит, раньше вы не нанимали телохранителя для Принцессы, но сейчас решили это сделать. Почему?

Аделина прикусила губу, а потом, к моему большому удивлению, ее глаза наполнились слезами. Для меня всегда было загадкой, как люди плачут. Женщины, как я заметил, делали это чаще, чем мужчины – Леда, например, плакала чуть ли не каждый день. Как-то раз плакал и Берни – это ведь в счет, когда человек не издает ни звука, только слезы катятся по лицу? Это случилось в тот день, когда Леда собрала все вещи Чарли.

Аделина плакала точно так же – только слезами, беззвучно. Она открыла сумку, достала салфетку и промокнула потемневшие глаза.

– Жизнь Принцессы в опасности, – сказала она.

– Почему вы так считаете?

Аделина снова полезла в сумку, извлекла оттуда сложенный пополам глянцевый листок бумаги и протянула его Берни.

– Мне пришло это письмо, – я встал и обошел стол, чтобы посмотреть на лист вместе с Берни.

– Это страница из журнала? – уточнил он.

– «Мир собачьих выставок», – подтвердила Аделина. Она взглянула на меня и растерянно моргнула, словно не могла поверить своим глазам – правда, в чем тут дело, я понятия не имел.

Я вновь перевел взгляд на глянцевую страницу. Там было порядком текста – его я прочитать, конечно, не мог – но большую часть занимала цветная фотография Принцессы, лежащей на атласной подушке, может, та же самая, которую я видел прошлой ночью. Разница, впрочем, была: кто-то нарисовал огромную мишень прямо поверх крошечной пушистой головы Принцессы.

Мы снова в деле, подумал я.

Глава третья

Берни всегда говорил, что ненавидит оружие, но стрелять ему все же иногда приходилось. В рабочем кабинете у нас стоял сейф – вы бы ни за что не догадались, что он спрятан за большой фотографией Ниагарского водопада в раме – а в сейфе лежала винтовка и дробовик. А в бардачке машины – револьвер. Берни, кстати, любит водопады, так что у нас этих фотографий навалом. Но вернемся к оружию. Иногда Берни ходил на стрельбище, чтобы потренироваться. Мне там нравилось, правда, Берни брал меня с собой всего раз – по его мнению, я слишком уж пришел в восторг. Но как выглядит мишень, я знал именно оттуда – потому что я смотрел, как Берни тренируется на стрельбище. Помню, как он смотрел на мишень таким сосредоточенным, спокойным взглядом, а потом – бам! Прямо в яблочко!

Теперь он смотрел на фотографию Принцессы с точно таким же выражением лица.

– Как это к вам попало? – спросил Берни.

– Пришло вместе с почтой, – ответила Аделина Боргезе.

– В Италии?

– Италии?..

– Вы разве не там живете?

– У нас есть вилла в Умбрии, да. Но письмо пришло в квартиру на Манхэттене.

– Когда?

– На прошлой неделе.

– Конверт остался?

– Нет.

– Где он?

– Почту вскрывал ассистент. Он всегда выбрасывает ненужные конверты, рекламные объявления и все прочее.

– Вы пытались его найти?

– Это невозможно – письмо сразу же отправилось в шреддер.

– Вы показывали это сообщение полиции?

– Детектив манхэттенской полиции живет в нашем доме. Он сказал мне не беспокоиться, мол, это просто злая шутка, не более.

– Но вас его совет не устроил, – заключил Берни.

– У него никогда не было собаки, – только и ответила Аделина.

Берни глубокомысленно кивнул, словно понял, о чем она говорит. Лично я постепенно терял нить беседы – может, потому что уже давно пришло время завтрака, а никакого завтрака и близко не предвиделось. Я встал, хорошенько потянулся – знаете, когда передние лапы вытянуты, голова опущена, задница поднята, даже описать не могу, насколько это приятно – и прогулялся до кухни. Там я сунул нос за помойное ведро: иногда там можно было найти старые объедки. Сегодня, правда, мне с этим не повезло – я нашел только пробку от вина. На еду это совсем было не похоже, но я все равно ее подобрал и принялся грызть, зачем – и сам не знаю. Одновременно я пытался вспомнить, когда у нас дома пили вино в последний раз. Наверное, когда Сьюзи оставалась на ночь – она любила красное. Вино пахнет довольно приятно – даже люди проявляют к его запаху горячий интерес. Обожаю смотреть, как они суют в бокал нос и принимаются распинаться о нотках черники, шоколада и лемонграсса – поверьте, они вообще не знают, о чем говорят.

Сьюзи давненько к нам не заходила, если так подумать. А ведь она была просто замечательной! Хотя бы только потому, что в машине у нее всегда был запас печенья. Сьюзи работала репортером в «Трибуне Долины», и когда мы работали над делом Мэдисона Чемблисса, она написала про Берни статью. Статья ему не понравилась. Как там было это слово? Увалень.

Что, черт возьми, за увалень такой? Это Берни так сказал: она написала, что Берни большой увалень, похожий на спортсмена, времена славы которого давно позади. А про то, что Берни и правда спортсмен и был питчером «Армии», во времена колледжа, она и словом не обмолвилась. Питчер – это бейсбол, а армия – это вроде как про драки, что всегда меня немного путало. Все это было давно, еще до того, как мы с Берни встретились, но я вам вот что скажу – теннисный мячик он может забросить очень далеко, хоть и не настолько далеко, чтобы я не успел принести его назад в мгновение ока. Мы могли играть в мячик часами – Берни и я. И еще в тарелку фрисби – что за замечательное изобретение! Однажды старик Хейдрич, наш сосед с другой стороны, не со стороны Игги, а тот сосед, который не слишком тепло относится ко мне и всему моему роду, так вот, однажды он не заметил стремительно летящую прямо в него тарелку. Конечно, никто в этом не был виноват, но попробуй это втолкуй старику Хейдричу.

Так вот, про Берни и Сьюзи. Я говорил о том, что Берни не понравилась ее статья, но вот Сьюзи ему нравилась. И он ей тоже нравилась. Все текло своим чередом – кстати, я обожаю плавать, так что отлично понимаю смысл этой фразы – пока не объявился старый (хотя, наверное, не такой уж и старый) парень Сьюзи, Дилан МакНайт. Про него я даже начинать не буду. скажу только то, что мы друг другу не понравились с первого взгляда – а ведь мне нравился каждый человек, которого я когда-либо встречал, за исключением, конечно, бандитов и преступников, и даже некоторые из них...

– ...встретим самолет, – сказал Берни. Я поднял голову – он шел к входной двери, Аделина – вслед за ним.

– Я предупрежу мужа, – сказала она. – Вы точно не хотите аванс?

– В этом нет необходимости, – отказался Берни. – Времени это займет немного. Тогда и выставим вам счет.

Ох, Берни.

* * *

Мы запоздало позавтракали: Берни – яичницей с беконом, я – сухим кормом. И немножко – беконом Берни, если говорить всю правду. У него в последнее время появился заскок, понятия не имею, откуда, мол, слишком много бекона вредно для его здоровья. Сама идея того, что бывает слишком много бекона, кажется мне абсолютно бессмысленной, так что я был только рад ему помочь.

После завтрака Берни отправился в рабочий кабинет и принялся стучать по клавишам компьютера. Я же уселся у высокого узкого окна в коридоре и принялся рассматривать двор. Некоторое время спустя я услышал звук подъезжающего грузовика. Интересно, это ФедЭкс или ЮПС? Чрезвычайно важный вопрос: когда водитель из ЮПС проезжал мимо, то всегда кидал на лужайку печенье, а водитель из ФедЭкса никогда так не делал. Звучали грузовики практически одинаково, разве что ФедЭкс издавал едва слышное: «тик-тик-тик». Секунду спустя я услышал проклятое тиканье, что значило: никакого печенья. Когда грузовик проехал мимо, я на него едва взглянул. Так, а это что такое едет прямо за ним? Мотоцикл.

Мотоциклы всегда были очень интересными, а этот конкретный мотоцикл был интересным в особенности – он остановился прямо перед нашим домом.

На мотоциклисте был шлем с опущенным ветрозащитным экраном из темного пластика. Он развернулся, откинул ветрозащитный экран, бросил взгляд в сторону дома и увидел меня. И в ту же секунду – стремительно опустил экран, да так быстро, что мне не удалось толком разглядеть лицо: только темную кожу и мелькнувший кусок чего-то голубого. Я даже не был уверен, какого этот человек пола. Если бы я мог обнюхать его, никакой проблемы бы не было, но все запахи сейчас перебивала вонь от выхлопных газов.

Врррум-врум: сорвался с места мотоцикл. Игги, кажется, это заметил, потому что со стороны его дома донеслось привычное тьяканье.

Я еще немного поглазел в окно, но больше ничего интересного не произошло. Тогда я решил как следует потянуться и зевнуть. Вот и все. Ощущения непередаваемые. Я успел проделать это еще несколько раз – все так же приятно. Потом из дома раздались шаги Берни, и я отправился его искать.

Сразу же я понял, что ему хочется курить. Догадаться было несложно: вот он проверяет все места, где он мог забыть пачку сигарет – на стеллаже, под журнальным столиком в гостиной, в куче грязной одежды, и все безрезультатно. В этот раз Берни твердо задался целью бросить курить и выкинул из дома все сигареты до единой. Из чувства солидарности я принялся искать вместе с Берни, хотя, конечно, никаких сигарет в доме быть не могло – иначе я бы давно учуял их запах. Разве что Берни спрятал пачку в сейф, и то, может, мой нос и тут не подвел бы.

Берни сделал глубокий вдох, а затем медленно выдохнул. Это у него особая техника такая, правда, я не знаю, для чего она предназначена.

– Может, стоит прогуляться? – спросил он. – Эй, Чет! Ко мне.

Мы вышли через заднюю дверь. Сначала Берни переобулся в кроссовки, а это значило, что он собирается заставить себя выйти на пробежку. Запах у этих кроссовок был тот еще. Вообще, странно, как люди носят разную обувь для разных видов деятельности. А какую странную обувь иногда надевают женщины! Я помню, у Леды была абсолютно ужасная пара туфель. Они меня не на шутку пугали, так что я их съел, но Леде, конечно, было не объяснить, зачем я это сделал. Я вот отлично справляюсь и без дюжины пар различной обуви. Уверен, если бы у людей были такие же большие лапы, как у меня, они были бы куда более счастливы. А что? Подушечки у меня мягкие, отлично работают, когда надо подкрасться, а большие острые когти помогают не терять сцепление с дорогой, когда я куда-то бегу.

Через задний двор мы вышли в каньон. Каньон был одним из лучших бонусов, которые ты получаешь, когда живешь на Мескит-Роуд. Вообще он находился в самом центре Долины – не уверен, город это или какая-то группа городов – и простирался далеко-далеко, но с того места, где мы стояли, каньона было почти не видать. Ну, разве не круто? Мне доводилось жить в разных местах: в питомнике при Академии, а до этого, когда я был еще щенком – в обшарпанной квартире вместе с кучкой алкоголиков, но жить здесь, вместе с Берни, было лучше всего на свете.

Тем временем Берни покачивался с носка на пятку и раз за разом наносил удары в воздух. Размявшись, он побежал – ну, вроде как побежал – по усыпанной гравием дорожки, которая вела к холму с большим плоским камнем, лежащим на самой вершине. Там дорожка сворачивала, чтобы обогнуть скалу.

То, как люди бегают, всегда ставило меня в тупик. Никакой красоты и куча усилий, и все ради того, чтобы перемещаться с абсолютно жалкой скоростью. Я принялся наворачивать круги вокруг Берни – раз в одну сторону, затем в другую, затем в обе сразу.

– Чет, – запыхавшимся голосом произнес он. – У меня от тебя голова кружится.

И Берни потащился вперед. Я почувствовал слабый запах, напомнивший мне об аромате бекона, и дело, конечно, было не в том, что кто-то готовил неподалеку завтрак. Мускусная свинья! Что вообще на свете сравнится с охотой на мускусную свинью? Даже представить себе не могу. Я принялся обнюхивать кактусы: круглые такие, с острыми иголками – о, я много знал об этих иголках и не собирался вновь повторять свои ошибки – и ощутил, что запах мускусной свиньи стал сильнее. Я сошел с тропинки и рысью побежал вперед, опустив нос к земле. Обогнул высокий красный камень и, как говорит Берни, бинго! Мускусная свинья, большая и жирная, была тут как тут и в данный момент самозабвенно жевала какую-то мелкую издохшую животинку. Мое появление незамеченным не осталось – мускусные свиньи вообще отлично различают запахи. Она подняла голову и приглушенно зарычала, сжимая в зубах свою

добычу. Она что, думает, что я пришел отобрать у нее эту дохлую тварь? Хотя, кажется, не такую уж и дохлую: мне показалось, или хвост у нее только что дернулся?

Я зарычал в ответ – по большей степени из-за охватившего меня отвращения. Мускусная свинья выронила свою добычу – та мгновенно вскочила на лапы и опрометью бросилась к ближайшей дыре, вырытой в земле – и обнажила бивни. Я в ответ обнажил клыки, и мускусной свинье это не понравилось, это точно. Она сделала шаг назад, затем другой – словно и вовсе позабыла, что все еще угрожающе скалится.

Я подобрался, в любой момент готовый прыгнуть.

– Чет! Чет!

Я обернулся назад, в сторону тропинки, и с удивлением обнаружил, что она находится как-то слишком уж далеко, да еще и значительно выше того места, где сейчас был я сам. Берни стоял на самом краю обрыва.

– Ко мне, Чет. Назад.

Я посмотрел на Берни, потом на мускусную свинью, которая все еще стояла, обнажив бивни.

Ладно, Берни, сейчас буду, дай мне только кое о чем позаботиться.

– ЧЕТ! СЕЙЧАС ЖЕ!

Я снова бросил взгляд на Берни, стараясь не обращать на него внимания, но давалось мне это с трудом. И что вообще значит «сейчас же»? Я решил, что это значит сравнительно скоро, не слишком долго, но и не...

– СЕЙЧАС ЗНАЧИТ СЕЙЧАС!

Берни может говорить очень громко, если захочет. Земля вокруг меня словно бы затряслась. Я не говорю, что Берни такое под силу, просто так оно ощущалось.

Я снова повернул голову к мускусной свинье, но она исчезла. Конечно, я легко могу напасть на след, а потом останется только стремительно броситься вперед, но...

– ЧЕТ!

Я почти уверен, что земля задрожала на самом деле. Я развернулся и пошел к Берни: точнее, медленно побрел, уныло волоча хвост по земле. Берни звучал сердито, в этом не было никаких сомнений. Несмотря на это, когда я вспрыгнул на край обрыва, он крепко меня обнял.

– Такой чудесный день было бы обидно тратить на ветеринара, – сказал он. – Помнишь, что было в прошлый раз?

Я не помнил. Берни дал мне собачье печенье – не роскошное лакомство от «Ровер-Энд-Кампани», а обычное, из супермаркета, но такие печенья я тоже любил. Я проглотил угощение, встал на задние лапы и облизал Берни лицо. Он рассмеялся.

– Давай-ка лучше потренируемся.

И он снова принялся бежать по тропинке в своем неповторимом стиле большого увальня – да, я боюсь, что это описание отлично ему подходит. Кажется, еще он немного прихрамывал. Такое иногда случалось, особенно если он уставал – когда-то давно Берни ранили в ногу, когда он воевал в пустыне – не в нашей пустыне, а в какой-то очень далекой. Я пошел рядом, пригнувшись к воздуху.

Мы прошли изгиб дороги, обогнули плоский камень и направились к скале: Берни пыхтел и отдувался, а я брел неподалеку, время от времени высовывая язык – просто так, ради развлечения. Туман окончательно рассеялся – значит, жара уже идет на спад. Высоко в небе кружила большая черная птица. Я не любил больших черных птиц – да мне в общем-то никакие птицы не нравились.

– Чет? Чего это ты ворчишь?

Кто, я?

– Ты устал? Хочешь, остановимся?

Кто, я?

– Там вроде как впереди скамейка?

Мы поднялись по тропинке еще немного вверх и вышли на смотровую площадку, где стояла деревянная скамейка. Берни шлепнулся на нее, удовлетворенно вздохнув, а я встал рядом. Если знать в какую сторону смотреть, иногда отсюда можно увидеть небоскребы, возведенные в центре города, но ни я, ни Берни туда не смотрели. Берни рассматривал небо, а я рассматривал Берни.

– Что за день, – сказал он. Я поднял взгляд: большая черная птица уже исчезла.

Берни достал из рюкзака бутылку с водой и маленькую миску. Мы попили – Берни из бутылки, я из миски. Пару раз я пытался пить прямо из бутылки, и хочу вам сказать: это куда сложнее, чем кажется.

– Не хочу ничего сглазить, – сказал Берни, – но возможно, нам удастся разжиться деньгами. Помнишь те пять тысяч, которые я вложил в акции на олово? – я, конечно, помнил, как он доставал чековую книжку, но чтобы пять тысяч? – Угадай – они стоят уже шесть тысяч! И это всего за одну ночь. Плюс работа с Аделиной обещает легкие деньги. Мне даже стыдно их брать. Тот детектив с Манхэттена наверняка прав – никакой опасности на самом деле нет, – Берни подставил лицо солнцу и закрыл глаза. Сейчас он выглядел куда моложе, чем обычно, и был очень похож на Чарли. – Жизнь налаживается, Чет. Вот только почему этого никогда не хватает надолго?

Бедный Берни. Я не знал, о чем он толкует, поэтому я просто положил голову ему на колени, и в ответ Берни почесал меня за ушами. Я закрыл глаза, впитывая тепло солнца и свежесть воздуха, такого приятного и...

Тыдыщ! Бах!

Это еще что? Над каньоном раздался взрыв, и в следующую секунду я увидел страннейшую вещь: моя миска крутится в воздухе, окруженная ореолом сверкающих на солнце брызгов воды. В тот же момент Берни вскочил со скамейки и схватил меня в охапку. Мы покатались в пыль, ударились о что-то твердое – воздух снова сотряс знакомый тыдыщ-бах – и очутились за большим булыжником. И снова взрыв – в этот раз над головой что-то свистнуло, и добрый кусок булыжника осыпался каменной крошкой.

Потом все стихло. Мы с Берни прятались за камнем. Время все шло, и в небе снова появилась черная птица – может, какая-то другая, не та же самая – и принялась описывать широкие круги. Берни встал на колени и очень, очень медленно выглянул из-за края булыжника. Я тоже выглянул.

– Чет! Лежать!

Но мне хотелось посмотреть. На другой стороне каньона, неподалеку от кучки домов, выстроенных на холме, я заметил что-то вроде велосипеда или, быть может, мотоцикла. Он быстро промелькнул и исчез.

Большая черная птица спикировала неподалеку от нас – я даже услышал хлопанье ее крыльев – а затем снова взмыла в воздух и улетела прочь.

Глава четвертая

Дома Берни первым делом достал из сейфа винтовку, и я изо всех сил сдерживался, чтобы не пуститься вокруг него вскачь. Люблю винтовку. Не видел ее уже кучу времени.

Потом мы вышли на улицу и сели в Порш, где Берни сунул винтовку за сиденье.

– Был у меня инструктор по строевой подготовке, – сказал он. – Знаешь, что он мне однажды сказал?

Вообще без понятия. Я впервые слышу про этого инструктора по строевой подготовке, и вообще не догадывался об его существовании. У нас, конечно, полным-полно всяких строительных материалов и устройств дома, но я не помню, чтобы кто-то приходил и показывал Берни, как всем этим пользоваться. Хотя вообще-то это неплохая идея.

– Он сказал: «Не бери ложку в ножевую драку», – закончил Берни. Хм-м-м. Я думал об этом всю поездку, и пару раз даже чувствовал, что до меня почти дошло.

Мы двигались навстречу солнцу и проехали несколько районов, которые я любил не меньше, чем наш собственный, затем проехали мимо бейсбольной площадки – у детей там шла игра. Я не понимал, в чем смысл бейсбола, но выглядело все это очень весело, да и бейсбольные мячики я любил. Кто бы мог подумать, что внутри они выглядят именно так?

В этот самый момент какой-то пацан взмахнул своей бейсбольной битой, и мяч взлетел высоко в небо. Ехали мы не очень быстро. Интересно, насколько невозможно будет...

– Че-ет? – Берни умеет произносить мое имя очень медленно. Мяч упал в траву и отскочил к забору. Чудесный такой длинный прыжок, из-за которого мне очень захотелось... – Че-ет?

И мы проехали мимо. Вскоре мы повернули в переулок, полный выцветших на солнце домиков и редкими проблесками низких пыльных деревьев. Внезапно мне захотелось пить.

Улица заканчивалась тупиком – путь преграждал деревянный забор. Берни припарковал машину и мы выскочили наружу. Вокруг было ни души – это такое распространенное человеческое выражение, которое попросту означает, что рядом не было ни одного человека. Берни достал из машины винтовку, и мы обошли забор кругом.

С другой стороны забора лежал убегающий вдаль каньон. Мы пошли по тропинке, зигзагами ведущей вниз. Я почти сразу почувствовал вонь выхлопных газов, а вскоре и Берни шлепнулся в грязь на колени, приглядываясь к земле.

– Мотоцикл, – сказал он. – Пропал бесследно.

Берни встал, и мы отправились дальше. Тропинка привела нас к самому дну каньона, а затем снова начала подниматься ввысь, прямо по склону красноватого оттенка холма. На самом верху обнаружился круглый куст, усеянный шипами.

– Еще следы шин, – сказал Берни. Это я и сам видел, а еще я кое-что почувствовал: запах, который был знаком мне из-за наших с Берни расследований, и еще с того далекого времени до кинологической школы. Травка. Я обошел место кругом, приюхиваясь, а Берни тем временем рассматривал что-то вдали, отвернувшись от солнца. Потом он недовольно что-то проворчал. У Берни вообще был целый набор разнообразных ворчаний, и конкретно это значило: он что-то понял, и это что-то ему не нравится. Он поднял винтовку, прищурился в прицел и закрыл один глаз. Я замер, ожидая громкого «бам!», но никакого «бам!» не последовало. Вместо этого Берни все смотрел и смотрел в окуляр. Потом он сказал:

– Ну да, скамейка. Видно как на ладони.

Скамейка?

Берни опустил винтовку.

– Забавно, да? – сказал он. Я совершенно не понял, в чем заключалась шутка, да и Берни особо веселым не выглядел. – Время и пространство, – продолжил он. – Мы в том же самом

месте, что и наш стрелок, просто не в том же самом времени, вот и все. Но... – он повернулся и потрепал меня по голове. – Но разве они не искривляются, время и пространство? Эйнштейн же об этом рассказывал? Следовательно, их границы размыты, и значит, стрелок все еще здесь. По крайней мере, частично.

Имело ли это все для меня хоть какой-либо смысл? Ну-ка, а для вас имеет? Давайте только честно.

Я широко открыл пасть, распахнул челюсть и очистил мысли, пока в голове не появилась приятная пустота; и в этот самый момент я снова почувствовал сильный запах травки. Я повернулся и последовал за ним: сначала вокруг куста, затем – вниз, под сплетение колючих веток. Пару раз я укололся, но зато нашел его: окурок косяка, лежащий на земле.

Я гавкнул.

– С другой стороны, – говорил Берни, – что насчет квантовой теории?

Я снова гавкнул.

– И не стоит забывать о теории струн... – не унимался он.

Я гавкнул в третий раз, уже громче.

– Чет? Ты что-то нашел?

Берни подошел ко мне, присел на корточки и отклонил в сторону колючую ветвь куста.

– О, – сказал он. – Господи.

А потом:

– Хороший мальчик, – он достал из кармана хирургическую перчатку, надел ее и подобрал окурок. – Все еще теплый, – сказал Берни, и лицо его помрачнело. – Вообще-то это пожароопасно. Я... – он резко замолчал, смотря куда-то под куст. – А это что? – он сунул руку поглубже в ветви. Спустя мгновение на его ладони лежала гильза от патрона. – 7,62x63 миллиметра. Стандартный охотничий калибр, – сказал Берни. Затем он положил рядом окурок. Я знал, что это значило: улики, целых две. – Видишь? Эйнштейн был прав. Частично он все еще с нами.

Ого. Стрелком что, был какой-то парень по имени Эйнштейн? Мы отправились назад к машине. Как Берни так быстро догадался? Какой-то там Эйнштейн не мог быть единственным стрелком в Долине, который балуется травкой – у нас таких было выше крыши.

– Представь только, каким бы он был детективом, – сказал Берни. – Я имею в виду Эйнштейна.

Это только запутало меня еще сильнее. У нас были конкуренты – Лен Уоттерс в Педройе, братья Мирабелли в Саншайн-Сити, но частный детектив Эйнштейн был мне незнаком. Нет, ради бога, мне не жалко – мы с Берни конкуренции не боялись. У нас вообще было все отлично – ну, за исключением финансов.

По возвращению в офис Берни сел за компьютер и принялся что-то печатать. Время от времени он бормотал себе под нос что-то вроде «курит травку», «оружие 7,62x63 калибра» и «имеет корыстные мотивы». Я лег на ковер. Корыстные мотивы? С корой я был знаком. Помню, как мы поехали в лес с палаткой – веселая поездка выдалась, и коры там было завались. Берни учил Чарли, как правильно рубить деревья, а потом – бац! Хорошо, что в палатке тогда никого не было. Но сейчас-то кора тут причем? Окурок от косяка, гильза патрона – больше мы ничего не нашли, верно? Впрочем, Берни я все равно верил.

Веки у меня стали тяжелыми. Такое у меня случается пару раз в день – прекрасное, трудно описуемое чувство, которое означает: настало время подремать. Дремать – это почти как спать, только с небольшой разницей. Но об этом мы сейчас говорить не будем, и вообще, я лично большой любитель и того, и другого.

Щелк-щелк-щелк. Вскоре я провалился в сон и очутился посреди леса, рядом со стоянкой для лагеря. Я преследовал белку, которая вскоре превратилась в жирную мускусную

свинью, которую мы сегодня повстречали в каньоне – ну, вы знаете, как забавно устроены сны. Я начал гнаться за ней, а потом и за многими другими животными, причем некоторых, вроде игуан или водяных буйволов, я раньше видел только по каналу Дискавери. Странно, да? Забавно, как наш разум...

– Чет? Давай, здоровяк. Проснись и пой.

Проснись и пой? Пару секунд я пытался понять, в чем дело – в голове у меня все еще крутились игуаны и водяные буйволы – но потом вскочил и как следует отряхнулся движением, которое начиналось с морды и продолжалось до самого кончика хвоста.

– Хотел бы я тоже так уметь, – рассмеялся Берни.

Бедняга. У него даже хвоста нет. Представить себе не могу, как это неудобно. Как люди вообще умудряются сохранять равновесие при ходьбе?

Мы снова сели в Порш. Винтовку Берни с собой не взял, но прежде чем повернуть ключ зажигания, открыл бардачок и проверил, на месте ли его револьвер.

– Насколько я понимаю, – сказал он, – кто-то хочет мне отомстить. Кто-то, кого мы в свое время крепко прижали, – я не понимал, к чему клонит Берни, но уверен, он попал в самую суть. Мы вырулили с подъездной дорожки на Мескит-Роуд. – Помнишь Виктора Прола? – никакого Прола я не помнил, зато заметил Игги, отчаянно твякающего за стеклом, и гавкнул ему в ответ. – Хороший мальчик, – похвалил меня Берни.

– Сложно забыть такого хмыря. Наркоторговец, обожает мотоциклы, с ума сходит по пушкам – и самое главное, его выпустили из тюрьмы две недели назад, – я все еще понятия не имел, о ком он говорит, и гавкнул еще раз, не зная, что еще делать. Берни потрепал меня по голове – очень мило с его стороны. Я подвинулся поближе.

Мы выехали на длинное шоссе, ведущее к центру, миру бизнеса и больших денег, а потом дальше, на другую сторону города. Небо растеряло всю свою голубизну, приобрело тусклый, бесцветный оттенок. На крыши небоскребов надвинулась сероватая дымка, целиком поглотившая верхние этажи. Мне от этого зрелища стало не по себе, хотя я точно не мог сказать, почему. Мне даже почти захотелось, чтобы Берни поднял крышу нашего кабриолета – что, впрочем, все равно было невозможно сделать. Какой-то там конденсатор перегорел или что-то в этом роде.

– Все в мире связано, – продолжал Берни. – Воздух, вода, мы. Это единая система. Почему никто этого не понимает?

Я не знал, о чем говорит Берни, так что, полагаю, я входил в список непонимающих. Я подвинулся к нему еще ближе и почувствовал себя чуточку спокойнее.

Вскоре небоскребы остались позади, и мы въехали в скверный район – такой, с разбитыми стеклами и бесцельно шатающимися по улице людьми. Некоторые пристально смотрели нам вслед. Я держал голову прямо и смотрел только перед собой, на дорогу. Мы с Берни были на работе, и вести себя надо соответственно. Правда, я не был уверен, о какой именно работе идет речь, и кто нам вообще за нее заплатит.

Берни свернул на узенькую улочку, полную рытвин и колдобин, и остановил машину неподалеку от квадратного домишки с пятнистыми желтыми стенами и черными оконными решетками. Из бардачка он достал револьвер и заткнул за ремень. Мои зубы всегда были при мне, так что мне собираться не понадобилось. Забавная мысль, если так подумать. Я попытался понять, почему именно это показалось мне забавным, но в голову так ничего и не пришло, а к тому времени, как мы выбрались из машины и зашагали по заросшей сорняками лужайке, я и вовсе забыл, о чем думал.

Берни постучал в дверь. Ответа не последовало. Он огляделся – я успел сделать это еще раньше, и со всей уверенностью мог заявить, что рядом никого не было. Тогда Берни постучал еще раз. Тук-тук-тук. Это тут же напомнило мне об Аделине Боргезе и ее Принцессе. Что мы там должны были сделать? Что Берни...

Тут из глубин дома раздался голос.

– Ась? – голос был мужским, грубым и недружелюбным, и показался мне смутно знакомым. Я ощутил странный зуд в зубах – словно их очень захотелось во что-нибудь вонзить.

– Йо, – сказал Берни.

– Ха? – сказал мужчина за дверью.

Иногда мне сложно понять человеческую речь. Порой меня это малость раздражает, а порой мне просто интересно, что значит вся эта чушь. Все эти «Ась», «Йо», «Ха» оставили меня в недоумении.

– Это ты, Виктор? – спросил Берни.

– Нет.

– Виктор Прол?

– Вовсе нет.

– А по-моему, ты звучишь как типичный Виктор Прол, – настаивал Берни. – С его-то прогнатическим прикусом.

У Берни была еще одна особенность – иногда я вообще не понимал, о чем он. Так что я просто стоял рядом, неотрывно смотрел на дверь и ничего не делал. Мы же партнеры, так что какой бы тупоумной фигней – ах, как мне нравилось это выражение! – он ни занимался, я был...

Дверь распахнулась и на пороге появился громадный мужчина. Челюсть у него была просто великолепная – выдвинутая вперед, как и нужно. Редкая черта среди людей. Остальное лицо было абсолютно непримечательным – маленькие глазки, плоский нос, клочковатая борода. Я принялся к его запаху и тут же все вспомнил. Да, я знал Виктора Прола: он был по-настоящему плохим парнем, которого мы застукали за каким-то злодеянием, уже и не вспомню. А до этого он как следует врезал Берни в лифте. Я вообще-то не люблю лифты – и по правде говоря, стараюсь их избегать – но в том лифте, к счастью, я был.

Он перевел взгляд маленьких глазок с Берни на меня, а потом обратно на Берни.

– Ты, – только и сказал он.

– Ну как, вживую я лучше выгляжу? – спросил Берни. – Или вид через прицел тебе нравится больше?

– Через прицел?

– Твоей винтовки 7,62x63 калибра.

Виктор Прол скривил лицо и прищурился, надолго погрузившись в раздумия. Зрелище, скажу я вам, не из приятных.

– Бессмыслица какая-то, – заключил он и попытался закрыть дверь.

С Берни такое не работает. Он резким движением просунул ногу между косяком и дверью, не дав той закрыться.

Из общения с преступниками, бандитами и прочими злодеями я вынес одно наблюдение: слететь с катушек они могут от любой мелочи. Одно невинное движение ногой – и все, он готов. Лицо Виктора Прола налилось кровью, губы искривились в неприятном оскале. Больше всего в глаза мне бросилась его рука, нырнувшая куда-то за дверь. Потом блеснула серебряная вспышка, и в следующий момент Виктор уже замахивался на Берни тяжелым гаечным ключом. С ними я был знаком еще с того времени, когда Берни решил установить новый унитаз – такой, специально для экономии воды – но так уж вышло, что в тот день воды мы израсходовали просто неприличное количество.

Я прыгнул вперед, метя в запястье Виктора, но мои зубы сомкнулись на пустоте. Непонятно, почему, но Виктор уже лежал на полу, а на нем верхом сидел Берни. События развивались стремительно. Обожаю! Я влетел в общую кучу, и мы катались по полу, пока Виктор не заорал:

– Хватит уже, мать твою! – Берни заломил ему руку за спину, а это всегда означает конец схватки.

– Где винтовка? – спросил он.

– А?

– Та, из которой ты палил по нам в каньоне.

– Палил? Ни по кому я не палил. У меня нет ни винтовки, ни любого другого оружия.

– Как-то на тебя непохоже.

– Ты мне сейчас руку ломаешь, – заметил Виктор.

– Прости, – извинился Берни. – Когда в меня стреляют, я становлюсь очень несдержанным.

Вид у растянувшегося на полу Виктора был очень растерянным.

Я же почувствовал запах травки. Я пошел по следу – это очень просто, словно следуешь за журчащим ручейком – и оказался у дивана, примостившегося напротив телевизора. А под диваном я нашел немного травки, крепко замотанной в полиэтиленовый пакетик. Правда, для этого мне пришлось как следует повозиться, пытаясь просунуть лапу в щель между полом и диваном. Я взял пакетик в зубы и понес его к входной двери.

– Да меня даже не было у каньона в то утро, – продолжал отпираться Виктор. – У меня в то время была назначена встреча с куратором по условно-досрочному, – хватка Берни слегка ослабла. – Клянусь, – сказал Виктор. – На этот раз я исправился. Я даже йогой начал заниматься.

К этому времени они оба смотрели на меня во все глаза. Я выронил пакет с травкой на пол и завилял хвостом.

Берни позвонил офицеру, взявшему кураторство над Виктором, и его алиби подтвердилось. Мы не сдали его за травку и даже не забрали ее с собой. Все, что мы взяли – это гаечный ключ, правда, я ума не приложу, зачем он понадобился Берни. Было ли это как-то связано с тем, что в ножевую драку нельзя было брать ложку? Других вариантов у меня не было.

Мы вернулись в машину. Берни совсем затих – я чувствовал, что он над чем-то думает. Это очень расслабляюще, когда он вот так сидит и думает. Я почти ощущал, как его мысли проносятся мимо, словно легкий ветерок.

– Займусь этим потом, – наконец, со вздохом сказал он и бросил взгляд на часы. Мне часы Берни не нравились. Мне вообще не нравилось, что люди всегда навешивали на себя какие-то механические штуки. Мне тут же жутко захотелось куснуть эти часы, и я даже потянулся к ним – хотя вообще-то я уверен, что ни разу ничего такого раньше не делал – но тут Берни перевел на меня взгляд.

– Принцесса прилетает через двадцать минут.

И я сел прямо.

Глава пятая

– Когда у человека появляется слишком много денег, – заявил Берни, – всегда начинаются проблемы.

Проблемы? У нас определенно было некоторое количество проблем, но прямо сейчас думать о них я не мог. Мы были в новом, доселе неизведанном месте – что всегда очень весело – на взлетной полосе посреди пустыни, в окружении маленьких самолетиков, блестящих на солнце.

– Как думаешь, сколько стоит обслуживание одной такой крошки? А сколько стоит купить такой самолет, я представить боюсь. Нет, все-таки богачи – это настоящие дойные коровы.

Коровы? Даже начинать не буду. Я хорошенько потянулся, встряхнулся как следует, покружился на месте и, наконец, улегся в тени нашей машины. Неплохо было бы немного перекусить, а в остальном я не жаловался. Издали, из-за песчаного цвета гор, послышался слабый гул.

– Старый порядок во всей его красе, – сказал Берни. – За исключением напудренных париков и гильотин.

Я привалился боком к машине и бросил на него взгляд. Когда Берни волновался, на его лице появлялись морщины, которые обычно было не заметить. Вот и сейчас они избороздили его лицо. Только о чем он беспокоился? Я понял только что-то про парики. Хотя... Пойдите! Гильотины – это, наверное, как гильзы? Дошло! Берни беспокоился из-за того, что в нас стреляли. Неплохо я его расколол, да? Мой мозг вдруг начал работать на сверхвысокой скорости. У Виктора Прола было алиби – хотя выглядел он и пах ровно так, как должен был выглядеть и пахнуть наш стрелок. Значит, следующим шагом будет иден-цифицировать снайпера. Я был с Берни на одной волне. Проще пареной репы. А почему бы мне не быть с Берни на одной волне? Мы все-таки партнеры. Правда, стоит заметить, что единственный раз, когда я попробовал пареную репу, она в итоге повздорила с моим желудком.

Отдаленный гул становился все громче. Я перевел взгляд на небо – над вершиной гор показался самолет, ослепительно сияющий в лучах солнца. Очень симпатично это выглядело.

– По-моему, я что-то слышу, – заявил Берни спустя пару минут. Он взгляделся в небо и наконец-то заметил самолет. – Вот они где.

Я повнимательнее присмотрелся к ушам Берни. Вроде не такие уж они и маленькие – вполне себе среднего человеческого размера. Так почему же они совсем не работают?

Самолет описал несколько больших кругов, сел на посадочную полосу и, подпрыгивая, покатился в нашу сторону. В то же самое время откуда-то из-за низких холмов на пыльную дорогу выехал длинный черный лимузин. Мчался он с приличной скоростью, оставляя за собой золотистый след мерцающей на солнце пыли. Иногда вокруг такая красота происходит, что хочется бросить все и просто молча наслаждаться зрелищем.

Но сейчас на это не было времени: у нас была работа. Я стоял, подняв хвост и вскинув голову, готовый к любым неприятностям.

Неподалеку остановился лимузин, и из него вышел водитель. Это был шофер Аделины, одетый во все черное. Я заметил, что в одном ухе у него маленький бриллиантовый гвоздик.

Он открыл заднюю дверь, и из машины вышла Аделина. Я поначалу ее даже не узнал, потому что одета она была, как какой-то ковбой: большая белая шляпа, рубашка с бахромой, ковбойские сапоги.

Я взглянул на Берни. Ой-ей. Он стоял, широко раскрыв рот. Только женщинам – некоторым, не всем – удавалось вызвать у Берни такую реакцию.

Впрочем, Берни быстро собрался с силами, закрыл рот, и мы зашагали к Аделине.

– Вы пришли вовремя, – заметила она. Берни кивнул. У него было множество особых кивков на все случаи жизни. В этот раз он кивнул холодно.

Ну да. Мы всегда приходим вовремя, мы же с Берни профессионалы.

– Есть новости? – спросил он.

– Какие, например?

– Новые письма. Что угодно еще, о чем нам стоит знать.

– Одного письма что, мало?

– Вполне достаточно, иначе бы нас здесь не было. Но в нашей работе информация играет важнейшую роль. Худшее, что может сделать клиент – это попытаться что-то скрыть.

– Я ничего не скрываю.

Берни кивнул. Кажется, этот кивок означал, что он ей совсем не поверил, но точной уверенности у меня не было, и времени как следует об этом подумать – тоже.

Самолет замедлил свой ход и, наконец, остановился. Я гавкнул. Не нравятся мне самолеты, не знаю, почему – я ведь даже ни на одном не был.

– Почему он лает? – Аделина устремила на меня взгляд зеленых глаз. Берни улыбнулся. Я уже говорил, что у него была великолепная улыбка? Улыбка для людей – почти то же самое, что вилять хвостом.

– Трудно сказать, – ответил он.

– Вы точно уверены, что он не опасен? – спросила Аделина. – Он такой... Неумный, а Принцесса – очень нежное создание.

Неумный? Это еще что? Но кажется, как-то раз я слышал, что Чарли называли как-то похоже. А что, мне нравится. Видимо, Аделине я все-таки нравлюсь. От радости я залаял, и наверное, слишком уж громко, потому что Аделина дернулась. Она начала было что-то говорить, но в этот самый момент дверь самолета открылась, из отверстия появилась лестница и сама собой опустилась на асфальт. Странное было зрелище. Мне тут же захотелось выкопать яму, что я немедленно и решил сделать. У обочины дороги была просто отличная земля.

– Че-ет?

Я взглянул вверх, так и не опустив переднюю лапу. Берни поймал мой взгляд и покачал головой: это был один из наших молчаливых сигналов. Значит: «нет». Я всегда мог вырыть яму попозже, сколько угодно ям. У меня сейчас было очень копательное настроение.

– Че-ет?

Берни поманил меня пальцем. Это значило: «подойди». Я вернулся назад и встал рядом, ведь мы партнеры, а я настоящий командный игрок. Но мысли мои витали далеко: я думал, что было бы неплохо подкопаться под забор, который отделяет наш дом от дома старика Хейдрича. И почему мне раньше это не приходило в голову?

Из самолета вышла коротко стриженная большая женщина. Волосы у нее были темные, только виски почему-то странного серого цвета. В руках она держала меховой шарик.

– Принцесса, – воскликнула Аделина. Она приветственно замахала ковбойской шляпой и бросилась навстречу. Мы с Берни пошли следом.

Большая женщина уже спускалась по лестнице. Принцесса – она оказалась еще меньше, чем я представлял – задрала нос кверху и прикрыла глаза, отказываясь смотреть в нашу сторону. Мне сразу же захотелось ее куснуть – так, немножко. В общем, знакомство у нас не заладилось.

– О, Принцесса, – стоило только большой женщине ступить на взлетную полосу, как Аделина немедленно забрала Принцессу у нее из рук. – Я так по тебе скучала! – она принялась осыпать ее голову поцелуями. Мне кажется, или Принцесса старается увернуться? Может, и так. И если она и виляла хвостом – где бы в глубинах ее шерсти ни скрывался хвост – я этого не заметил.

– Это Принцесса, – сказала Аделина, поворачиваясь к Берни.

– Гм, – ответил Берни.

– Поздоровайся с этим милым детективом, Принцесса.

Принцесса все так же разглядывала небо.

– А это Нэнси, наш тренер, – представила большую женщину Аделина.

– Берни Литтл, – сказал Берни, обмениваясь с Нэнси рукопожатием. Обычно женские ладони полностью терялись в ручище Берни, но в этот раз их размеры оказались вполне себе сопоставимы. Лицо у Нэнси было темное, загорелое, а глаза подведены яркими голубыми тенями. Это сочетание цветов произвело на меня странное впечатление: мне тут же захотелось слизнуть с нее весь макияж, чего я, конечно, делать бы никогда не стал.

Нэнси окинула Берни долгим взглядом.

– Вы правда думаете, что Принцесса в опасности?

– Нет.

Нет? Вот так вот сразу – нет? А что, если нас уволят? Берни, это же две штуки в день!

– Тогда... – начала Нэнси.

– Но иногда такие угрозы оказываются реальными, – закончил он.

– Именно, – сказала Аделина. Она повернулась к Нэнси, сузив глаза. – Я думала, мы это уже обсуждали.

Нэнси опустила взгляд. Отношения между людьми часто очень сложные и запутанные. У нашего народа – народ внутри народа, как говорит Берни – тоже бывают сложные отношения, но мы умеем быстро решать возникшие проблемы. Я уже привык к этим неловким сценам, которые часто случались у людей, и даже начал находить их занимательными. Я открыл пасть, вывалил язык, затем втянул его обратно.

Аделина вновь сосредоточила все свое внимание на Принцессе. Вы удивитесь, узнав, как часто люди используют наш род – если Принцессу можно отнести к нашему роду – для того, чтобы сгладить неловкость.

– Моей маленькой Принцессе нужно прийти в себя? – у Аделины было два голоса – с Принцессой она сюсюкала и ворковала, в то время как со всем остальным миром общалась исключительно ледяным тоном. Мне больше нравилось второе. О, а теперь Аделина снова ее целует. – Бедная Принцесса, сидела взаперти в этом ужасном тесном самолете.

Сидела взаперти в тесном самолете? Да ее можно в почтовый ящик засунуть, и еще куча места останется. Я перевел взгляд на Берни – выражение лица у него было абсолютно нечитаемым.

– Нэнси? – окликнула ее Аделина. – Это не опасно?

Нэнси наклонилась и потрогала асфальт рукой.

– Да.

– Он не слишком горячий? – не успокаивалась Аделина. – Помнишь Барселону?

– Все в порядке, – чуть более резким голосом повторила Нэнси.

Аделина окинула ее строгим взглядом и осторожно поставила Принцессу на дорогу. Ого, да у нее и лапы есть. Они словно сами собой выросли из слоя шерсти, что живо напомнило мне о лестнице, спускающейся из самолета. Я боялся, что эта мысль приведет к той, другой мысли, но к счастью, этого не случилось. Фух. Давай, здоровяк, притормози.

И я притормозил, все еще разглядывая Принцессу. Ее крошечные лапки касались асфальта. Она стояла неподвижно, а ее огромные темные глаза, казалось, смотрели в никуда. Интересно, что бы я делал на ее месте? Точно сначала бы как следует отряхнулся. Кстати, а почему бы мне и правда не отряхнуться? Не вижу никаких поводов этого не делать.

Я легонько встряхнулся, чувствуя, что Принцесса перевела на меня взгляд своих огромных глаз. И угадайте, что? В следующую же секунду Принцесса тоже встряхнулась. Если, конечно, это можно было так назвать: слабое, почти незаметное движение, словно порыв ветра

взъерошил ее шерсть. Я это заметил только потому, что пристально разглядывал Принцессу в ответ.

– Она раньше когда-нибудь так делала? – спросила Аделина.

– Никогда, – ответила Нэнси.

– Думаешь, с ней что-то не так? О боже... она что, заболела?

– По-моему, все с ней в порядке, – заметил Берни, и на него устремился взгляд огромных черных глаз. Впервые за все это время Принцесса пришла в движение по собственной воле, но как именно это выглядело, объяснить довольно сложно. Ее маленькие лапки вроде как быстро шевелились, словно она бежала трусцой, но шла она с ужасающе медленной скоростью. Вот она дошла до края асфальтовой дороги...

– Только не ходи по земле, Принцесса, – сказала Аделина. – Она вся грязная.

...и продолжила путь, обогнула пыльное растение с мясистыми листьями – у которого лично я непременно задрал бы заднюю лапу – и остановилась почти у самого Порше. Несколько секунд Принцесса его рассматривала, а потом посеменила назад, да так быстро, что ее лапки так и мелькали в воздухе. А ее глаза... мне кажется, или в тот момент они были полны беспокойства? Когда она вернулась на асфальт и остановилась рядом с Берни, мне почти стало ее жаль – дико звучит, да? Принцесса же, не сводя с Берни вновь опустевшего взгляда, присела.

– Хорошая девочка, – похвалила Аделина.

По асфальту начала растекаться желтоватая лужица. Она становилась все больше и больше, достигая воистину удивительных размеров. Запах был – и я это признаю – восхитительным. Но это было не главным. Главным было то, что желтоватая лужица расширялась очень быстро и быстро достигла ботинок Берни – черных кожаных туфель, которые тоже обладали очень интересным запахом, к слову говоря. Но сейчас мы не об этом. Сосредоточимся на расплывающейся по асфальту луже – целому озеру – и тому, как Принцесса все это время неотрывно смотрела на Берни.

– Долгий полет, – сказал он, отступая в сторону.

Тут Принцесса проделала кое-что, чего я прежде никогда не видел. Все еще присев на задние лапы, ни на секунду не прерывая льющийся из нее поток, она по-крабьи двинулась в его сторону.

– Кажется, вы ей понравились, – заметила Аделина.

– Определенно, – согласилась Нэнси.

– Ну, кхм, – Берни сделал еще один шаг в сторону, поднял ногу и оглядел подошву – и да, она была мокрой.

В конце концов Принцесса иссякла. Она выпрямилась и спокойно встала, почему-то высунув розовый кончик своего крошечного языка.

– Может, побалуем нашу маленькую звездочку? – сказала Аделина. – Есть кусочек бекона?

– Я немного беспокоюсь о ее весе, – ответила Нэнси. – Все-таки выставка совсем скоро.

О весе? Да у Берни под кроватью были клубки пыли, которые весили больше, чем Принцесса.

– Один кусочек не повредит, – решила Аделина. – У нее был трудный день.

Нэнси достала из кармана кусочек бекона. Отличный был бекон, толстый и ровный, я такого никогда не видел. Она подошла к Принцессе, держа на вытянутой руке лакомство и улыбаясь, и зубы у Нэнси тоже были отличные – крупные и белые. Принцесса так и стояла, неподвижно замерев. Единственное усилие, которое она сподобилась сделать – это слегка приоткрыть пасть, когда Нэнси поднесла к ее морде бекон.

А что касается меня... как бы это объяснить? Фактически произошло вот что: я вдруг очутился в воздухе, уши прижаты назад, лапы вытянуты в прыжке; и на полном ходу вырвал из рук Нэнси бекон – как раз в тот момент, когда она вручала его Принцессе. Возможно, я

сбил Принцессу на землю – но совершенно случайно. Да вообще вся эта история была чистой случайностью.

А что касается кусочка бекона – он оказался просто великолепен на вкус.

Дальше я помчался по взлетно-посадочной полосе, одним махом проглотил бекон, и остановился у колеса самолета, чтобы задрать заднюю лапу. Без понятия, зачем я это сделал – никакой срочной нужды у меня не было, но чувство было приятное. Все же любят, когда им приятно? Или я чего-то не понимаю?

Глава шестая

Были в моей жизни времена, когда я чувствовал себя плохо. Например, когда один бандит по имени Гулагов запер меня в клетке; или когда Леда собрала все вещи Чарли и увезла его – и теперь мы видели Чарли только иногда, по выходным и праздникам; или когда я был еще щенком и жил вместе с торговцем наркотиками, который имел привычку пинать меня каждый раз, когда в жизни у него что-то не складывалось. Но, кажется, хуже чем в тот день я себя не чувствовал – сразу после того небольшого инцидента с беконом, когда я стоял на взлетно-посадочной полосе, все еще задрав ногу у колеса, и вдруг услышал, как Аделина говорит: «Вы уволены».

Мы уехали с аэродрома. Как и обычно, я ехал на переднем сидении, но теперь я не сидел, смотря прямо перед собой, как делал это всегда. Вместо этого я лег на кресло, свернувшись калачиком и отвернувшись к двери. Не слишком удобная была поза – металлический жетон ошейника больно впивался мне в шею, но я решил: ну и пусть. Нас сняли с дела, и все из-за меня.

Через некоторое время Берни наклонился и поправил жетон. Затем он скормил проигрывателю диск, и вскоре из динамиков заиграла Билли Холидей. Берни обожал Билли Холидей. Он переключал треки, пока не началась «Если бы ты была моей» – в последнее время это была его любимая песня. Он принялся подпевать – Берни вообще очень приятно поет, я уже рассказывал? – и прибавил звук, когда ближе к концу заиграла труба.

– Тебе ведь тоже нравится этот проигрыш, а? – сказал Берни.

Да. Он мне очень нравился. При звуках этой трубы во мне что-то очень живо отзывалось.

– Рой Элдридж, – продолжил Берни. – Его называют Маленьким Джазом, понятия не имею, почему. Может, хм-м-м... О! По аналогии с Луи Армстронгом, наверное, которого называют Большим Джазом? Наверное, в этом дело?

Я понятия не имел, о чем вообще говорит Берни. Кроме того: две тысячи в день! Они нам были нужны. Наш бюджет – одна сплошная неразбериха, как вообще можно было думать о чем-то, кроме этих двух тысяч в день? Две тысячи в день! И все эти дни, когда мы должны были работать над делом – не уверен, сколько именно. Но Берни, похоже, совсем не думал о деньгах. После того, как «Если бы ты была моей» сыграла в тридесятый раз – а это много – я почувствовал, как Берни на меня смотрит. Видеть я его не мог, потому что все еще свернулся на сидении, отвернувшись к двери.

Вдруг Берни начал смеяться. Он просто хохотал и хохотал не переставая – кажется, я еще никогда не видел, чтобы с ним такое происходило. Он все никак не успокаивался, и в конце концов начал хрипеть и задыхаться, и все еще хрипя и задыхаясь, он наклонился и потрепал меня по спине. Чувствовалось это приятно.

– Ну и заплесневелые же у них мозги, – выдавил Берни, – Ты точно сломал им шаблон! – а затем снова принялся смеяться.

Заплесневелые мозги. Это что-то новенькое. Я, конечно, знал, что такое плесень – еще с тех времен, когда с нами жила Леда. Она жутко боялась, что стены дома могут заплесневеть, и потому наняла специального человека, который должен был внимательно все изучить – и это несмотря на то, что Берни сказал ей, что в пустыне не бывает никакой плесени. И инспектор, конечно же, ничего не нашел. Помню, как Берни победно улыбнулся – а потом был вынужден оплатить счет.

Значит, когда у кого-то плесневеют мозги – это когда никакой плесени не нашли? А Берни вспомнил об этом дне и вдруг нашел в нем что-то очень смешное. Я шутку не понял, так что просто сел и придвинулся поближе, и Берни почесал мне между ушами, как раз так,

как мне нравится. Мой хвост дернулся сам собой пару раз. Сейчас было не время, знаю – я крупно облажался, плохо поступил, повел себя совсем не как командный игрок и не как профессионал, и что хуже всего, я подвел Берни – но сделать с этим я ничего не мог.

– Хороший мальчик, – сказал Берни.

Когда мы добрались до дома, на автоответчике телефона мигал огонек. Люди вообще любят придумывать все эти штуки – огоньки автоответчика, будильники, счета – которые нарушают их спокойствие. Берни сразу же подошел к телефону и нажал на кнопку. У нашего телефона есть свой собственный своеобразный голос, который звучит совсем как голос робота из фильма, который мы с Берни как-то раз смотрели. Даже не просите объяснить, о чем был фильм, но в конце Берни сказал: «Ну что, понял? Робот тут главный». Ого. Робот все это время был главным? Мне стало страшно, и тут фильм закончился.

Но все это неважно. Берни нажал кнопку, и наш телефон сказал: «Два новых сообщения».

А потом:

– Привет, Берн, приятель, – я узнал этот вроде-бы-дружелюбный голос: то был парень в гавайской рубашке из «Сухого ущелья». – Это Чак Экель. Как ты там? У нас тут небольшое происшествие в торговле оловом – позвони мне как только получишь сообщение. Это, типа, супер-срочно.

А потом:

– Привет, Берни, – и этот голос я узнал – действительно дружелюбный, а не только притворяющийся. Это была Джейни, мой парикмахер, лучший собачий парикмахер во всей Долине. У нее было отличное заведение с гениальной бизнес-идеей: «Парикмахерская для животных Джейни – сами увезем, сами привезем». Вообще давненько ее не видел, если так подумать. – Это Джейни. Просто хотела узнать, что тебе сказал ветеринар.

– А? – произнес Берни и поднял трубку телефона. – Джейни? Это Берни Литтл. Получил твое сообщение. Что ты там говорила про ветеринара? Позвони мне, когда будет время, – затем он набрал еще один номер. – Чак? Это Берни Литтл. – Берни замолчал, слушая ответ. Есть один художник, который очень нравится Берни, не могу вспомнить его имя, он рисовал портреты – целую кучу, как сказал Берни – и части лиц людей на его картинах, казалось, не вполне сочетаются друг с другом. Так вот, лицо Берни с каждой секундой все больше и больше походило на такой вот портрет. – Землетрясение? Я не... В Боливии? Но как это?.. Три тысячи? Но... – он снова замолчал, слушая ответ, и лицо его становилось все неестественнее и неестественнее. – Что это значит – закрыть позицию? – я слышал голос из трубки, и дружелюбия в нем было все меньше. – Ты никогда... – еще меньше дружелюбия. – Потеряли все вложения? Я не так себе это представлял... Когда-когда тебе нужны деньги? – Берни повесил трубку, но я успел услышать, как Чак Экель сказал:

– Закрой сделку сегодня, приятель.

Когда Берни чем-то расстроен или даже подавлен – не то чтобы что-то действительно может расстроить Берни – у него есть привычка сильно тереть глаза костяшками пальцев. Вот и сейчас он это делал. И хотя я знаю, что ничто не может по-настоящему расстроить Берни, я совершенно не выношу, когда он вот так вот трет глаза. Так что я подошел и толкнул его головой, а потом еще раз, потому что первый раз он, кажется, не заметил.

– Да, малыш, – сказал Берни. Он перестал тереть глаза и взглянул на меня. Я взглянул на него в ответ, и теперь мы смотрели друг на друга. Постепенно его лицо возвращалось к нормальному выражению. – Как насчет жевательной косточки?

Жевательная косточка? Я что, сделал что-то, чтобы заслужить жевательную косточку? В голове немедленно всплыла сцена на взлетно-посадочной полосе. Я точно знал, что нет, не заслужил. Вполне вероятно, что я не заслуживал никакой косточки еще долгое, долгое время –

может, еще день или даже два. В то же самое время я ощутил внезапный порыв ветра, и понял, что мой хвост яростно виляет из стороны в сторону.

Берни рассмеялся.

– Тяжело отказать жевательной косточке, а, малыш?

Полагаю, что совершенно невозможно.

Мы отправились на кухню. Берни открыл шкафчик над раковиной и достал из него жевательные косточки и бурбон. Он вручил мне косточку и я немедленно в нее вгрызся. Это сложно объяснить, но мои зубы чувствуют себя просто прекрасно, когда я вот так вот ее жую. А какой у нее вкус! Просто неземной, что бы это ни значило. Тем временем Берни налил себе в стакан бурбона – совсем немного, чему я был рад, но потом, правда, он проглотил бурбон одним махом и налил себе еще. Стакан он унес к себе в рабочий кабинет, а я пошел за ним, пытаюсь растянуть косточку на подольше, хотя на самом деле я уже с ней почти покончил.

Берни снял фото Ниагарского водопада и принялся вводить код от сейфа. Он собирался снова достать винтовку? Без понятия, зачем нам сейчас винтовка, но какова бы ни была причина, винтовка – это всегда хорошо. Берни открыл сейф и потянулся внутрь, но достал не винтовку, а маленькую черную коробочку. Я знал, что это за коробочка: внутри лежали часы, принадлежавшие дедушке Берни, наша самая ценная вещь в доме, за исключением Порше. Я проглотил последние остатки косточки. Я знал, что будет дальше: нам предстояло встретиться с мистером Сингхом.

– Берни! Чет! – воскликнул мистер Сингх. – Как сегодня поживает наш чудесный хронометр?

Берни протянул ему дедушкины часы. Его дедушка когда-то владел большим ранчо – теперь на его месте была Мескит-Роуд и вообще весь наш район, но в конце концов потерял все. Возможно, из-за проблем с алкоголем, а проблема с алкоголем вроде как возникла из-за какой-то другой истории, которую мне рассказывал Берни, истории о каком-то другом родственнике. Но не об отце Берни. Берни никогда не говорил о своем отце, который умер давным-давно. А вот мать Берни все еще была с нами. Я ее как-то повстречал – та еще штучка. Она жила где-то далеко со своим новым мужем, а может, и с еще более новым мужем. И она назвала Берни пацаном! Что с ней не так? Но мне все равно не следовало делать то, что я сделал, впрочем, эта история сейчас подождет.

Мистер Сингх взял часы в обе ладони и теперь с восхищением их рассматривал.

– Вы знаете, что таких сделали всего дюжину? – спросил он. – Как бы мне хотелось показать их на телешоу «Антиквар», – у мистера Сингха была странная манера говорить, очень музыкальная. Я мог его слушать хоть весь день. – Вы так и не узнали, откуда он их получил?

– Нет, – сказал Берни.

– А я бы на вашем месте поискал, где тут собака зарыта. История, должно быть, знатная.

Собака зарыта? Мистер Сингх что, считает, что дедушкины часы как-то связаны с зарытой собакой? Зачем вообще кому-то зарывать собаку? Слушать мистер Сингха всегда приятно, но понять его трудно. Мы ушли: у Берни в кармане прибавилось налички, а я получил пару кусочков кебаба из козлятины. Люблю этническую еду, и Берни тоже. В мире полным-полно придирчивых ко вкусу людей, но мы с Берни не из их числа.

Мы остановились у банка – одно из немногих мест, куда мне нельзя входить. Да без проблем. Обычно я был не против подождать в машине, к тому же, что Берни скоро вернулся, бормоча что-то про олово и землетрясения в Боливии.

– В мире повсюду текут деньги, Чет. Целые реки денег. Проблема только в том, как бы загрести их себе.

Реки денег? В реках Долины даже воды не было. Я свернулся в кресле и закрыл глаза. Какая у нас сейчас работа? Я мог вспомнить только одно мелкое дельце: развод в Сан-

шайн-сити. Мы с Берни ненавидели работу, связанную с разводами. А может, я ошибался насчет этих рек с деньгами. Может, они и правда существуют. Как здорово бы было, правда? Я почти наяву видел, как ныряю в этот денежный поток.

* * *

Я проснулся, чувствуя себя просто замечательно. Где это я? А, в машине. Во рту все еще сохранился привкус кебаба из козлятины, что было довольно приятно. Постепенно я возвращался к реальности, припоминая последние события: часы, мистер Сингх, заняться нечем, кроме как делом о разводе. Я проверил Берни: он сидел, положив руки на руль, и лицо у него было мрачным. Я тоже сел и придвинулся к нему поближе.

– Хорошо поспал? – спросил он.

Просто отлично. Я широко-широко открыл пасть, прочищая голову ото сна. Мы были на Мескит-Роуд, недалеко от дома. В окне было видно Игги. Увидеться с ним всегда приятно. Я услышал его приглушенное «тяв-тяв-тяв», доносящееся из-за стекла, и гавкнул в ответ. Игги встал на задние лапы, опираясь передними на оконное стекло, и следил, как мы проезжаем мимо. Мы свернули на нашу подъездную дорожку, и почти тут же подъехала еще одна машина, такой фольксваген-жук. Я в машинах не разбираюсь – ну, то есть всегда могу распознать Порше, конечно – но фольксваген-жуки различить просто, и кроме того, конкретно эту машину я хорошо знал. Во-первых, она была ярко-желтой, а во-вторых, я ездил на ней много раз. Машина Сьюзи Санчез. Чудесная машина, в бардачке которой всегда спрятана коробочка с печеньем.

Мы выбрались из Порше. Сьюзи пошла нам навстречу. Пахла она мылом и лимоном, и у нее были блестящие темные глаза, которые цветом всегда напоминали мне столешницу на нашей кухне. Мне очень нравилась Сьюзи.

Во взгляде, которым она обменялась с Берни, явно читалась неловкость пополам с целой смесью сложных запутанных чувств. Это проблема. У нашего народа – нация внутри нации – принято делать все как можно проще. Возьмем, к примеру, недавний случай, когда я услышал, как с другой стороны каньона призывно лает какая-то леди, и...

– Привет, Берни, – сказала Сьюзен. – Привет, Чет. Замечательно выглядишь, – она запустила руку в свою сумочку. – Можно дать ему печеньку?

– Он только что поел, – сказал Берни. Чего? О чем он вообще говорит? Совершенно точно не о кебабе, потому что его там было буквально на один зубок, и вообще это было уже давно.

Рука Сьюзи вернулась из сумки, и в ладони у нее ничего не было. Напряжение между людьми очень интересная штука. Ты можешь его буквально почуять – ну, ладно, может ты ине можешь, но я могу. И этот запах ощущался с самого начала, и сейчас он стал только сильнее, потому что Берни сказал:

– Как там Дилан?

Ой-ей. Дилан МакНайт был бывшим парнем Сьюзи, но кажется, из ее жизни он до конца не исчез, судя по их совместной поездке в Лос-Анджелес. Я не слишком хорошо был знаком с Диланом МакНайтом – мы встречались всего один раз и совсем не поладили. Парень он был симпатичный, а еще – бывший заключенный. В тот день, когда мы встретились, он оказался на дереве, хотя точные детали я не припомню. Помню только, что потом Берни дал мне обрезки от говяжьей вырезки.

Голос Сьюзи, до этого теплый и дружелюбный, быстро изменился, и теперь она говорила очень холодно.

– Откуда мне знать.

– Да? – спросил Берни. – Он все еще в Лос-Анджелесе?

– Вроде бы нет.

- Вернулся в Долину?
- Сьюзи сделала глубокий вдох.
- Берни? – сказала она. На лице Берни застыло упрямое выражение.
- Да?
- Нам обязательно о нем говорить?
- Не знаю. А о чем ты хочешь поговорить?
- Вообще-то, – ответила Сьюзи, – я сейчас работаю над статьей, и при расследовании неожиданно всплыло твое имя.
- С лица Берни слетела всякое упрямство.
- Какой еще статьей?
- Об этой женщине, – Сьюзи перелистнула страницы своего блокнота. – Аделина Боргезе.
- И что с ней?
- Судя по всему, ее похитили.
- Похитили? – Берни вздрогнул, да так сильно, словно его ударили. Никогда раньше не видел, чтобы он так себя вел. – Мы видели ее только сегодня утром.
- Сьюзи снова опустила взгляд в блокнот.
- Это произошло сразу после двенадцати дня, – сказала она. – Судя по всему, она владелица какой-то выставочной собаки.
- Принцесса.
- Сьюзи перевернула страницу и кивнула.
- Да, Принцесса, – сказала она. – Собака тоже пропала.

Глава седьмая

События развивались слишком стремительно. Принцесса пропала? А Аделину похитили – получается, украли? Мне стало жарко, и я шумно задышал.

– Откуда у тебя эта информация? – спросил Берни.

– Да так, напели.

– Кто?

Лицо Сьюзи стало жестче, а взгляд тверже – теперь она живо напоминала мне Берни, когда на того находило упрямство.

– Я не выдаю свои источники.

Берни заговорил громче. Такое происходило, только если он был действительно сильно расстроен – да и тогда нечасто.

– Меня не интересуют твои чертовы источники, – сказал он. – Я хочу знать, насколько твоей информации можно доверять.

Когда Берни злился, большинство людей сдавали назад. По правде говоря, Берни мог быть – не хочу говорить «опасным», потому что это Берни, и он лучше всех – так что давайте скажем, что он иногда был довольно жестким человеком, но только с преступниками, а Сьюзи преступницей не была. Но вот сюрприз: Сьюзи сдавать назад не стала, напротив, зло вздернула подбородок.

– Моей информации можно доверять.

Они смерили друг друга взглядами. Мне не нравилось, к чему все шло, вот ни капельки. Я гавкнул, и они оба на меня посмотрели. Я собирался гавкнуть еще раз, но тут в доме зазвонил телефон. Берни поспешил внутрь.

Я потрусил за ним. Из автоответчика разносился сердитый голос.

– Какого черта происходит? – это был лейтенант Стайн. – Я думал, ты на нее работаешь. А ее похитили прямо на дороге посреди бела дня? Да возьми ты уже трубку, господи боже мой!

Берни подошел к телефону. Он шел медленно, словно двигался сквозь толщу воды, так что я с уверенностью мог сказать: трубку он поднимать не хотел. Затем его спина стала неестественно прямой, словно он каким-то образом нашел скрытый резерв сил – я такое видел уже много раз – и он снял с рычага телефон. Берни – и, наверное, в этом и кроется наше с ним небольшое различие – мог себя заставить делать вещи, которое он делать не хотел. Но лично я считаю так: зачем лишний раз себя утруждать?

– Да? – сказал он.

– Что, черт возьми, случилось? – раздался голос лейтенанта Стайна через громкую связь.

– Это ты мне расскажи.

– Какие-то парни остановили ее лимузин на Рио-Локо-Роуд, наставили пистолет на водителя и похитили Боргезе. И ее проклятую собаку. Ты почему был не с ними?

– Она нас не наняла, – объяснил Берни.

– Что? Она сказала мне, что наняла. Как-то не сходится, Берни. Ты же не пытаешься... – тут Берни нажал на кнопку и голос лейтенанта Стайна стал гораздо тише – теперь он звучал через динамик телефонной трубки.

– Я ничего не пытаюсь, – сказал Берни. – Она уволила нас так быстро, что можно считать, что и не нанимала, – лейтенант Стайн сказал что-то в ответ, но что, я не разобрал. – Не могу сказать, почему. Это ее право. А ты как с этим связан? Их тренер тоже была в лимузине? Что...

Я услышал из динамика громкий щелчок. Берни повесил трубку, посмотрел сначала на меня, потом на Сьюзи. Та что-то быстро писала в своем блокноте.

– Сьюзи? – очень тихо сказал он. – Что ты пишешь?

Она подняла взгляд. Ручка в ее руках продолжила двигаться, хотя Сьюзи даже не смотрела, что делает. Иногда люди меня восхищают.

– Я пишу... Вопрос для Берни: почему тебя уволили?

Берни смерил ее холодным взглядом. Да что между ними происходит? И вообще, вся эта история с увольнением: это был я виноват, а не Берни. Я гавкнул. Сьюзи закрыла свой блокнот, подошла ко мне и принялась гладить меня по голове.

– Хороший мальчик, – сказала она. Правда заключалась в том, что я был плохим мальчиком, а не хорошим, но полагаю, что Сьюзи об этом не догадывалась. Что еще мне оставалось делать? Да и гладила она меня так приятно, что я просто прогнал все мысли из головы и принялся наслаждаться каждой секундой.

– У нас возник личный конфликт, – сказал Берни. Сьюзи перестала меня гладить.

– У тебя и миссис Боргезе? – спросила она.

– Верно.

– И каковы были обстоятельства?

– Я не хочу вдаваться в подробности, – сказал Берни. – И все это я говорю не под запись.

– Что – все?

– Все, что я тебе рассказываю.

– Ты мне ничего и не рассказал, Берни. Возможно, ты не осознаешь, насколько это все важно. Собачья выставка «Грейт-Вестерн» – детище мэра. Он сейчас вне себя от злости. И ты – часть этой истории, нравится тебе это или нет.

– Ты мне что, угрожаешь?

Угрожает? Я ничего такого не заметил. И Сьюзи ведь наш друг, верно? Она бы никогда не стала нам угрожать. Может, Берни просто устал. В конце концов, я тоже немножко устал. Я прилег под столик, стоящий в коридоре. Иметь крышу над головой – это всегда приятно. Конечно, я понимаю, что мы в доме с крышей, так что фактически у меня над головой сейчас целых две крыши, а это еще приятнее. А что насчет потолков? Ведь потолок – это тоже своего рода крыша? Я понял, что совсем запутался.

– Вовсе нет, – сказала Сьюзи. – Просто пытаюсь тебя предостеречь, вот и все. Мэр в ярости и срывается на шефа полиции. Шеф полиции срывается на Стайна. И все они будут искать того, на кого можно свалить всю вину. Но может быть, если ты первым все расскажешь, это поможет выставить тебя в лучшем свете, и...

– То есть, я должен свалить вину на кого-то еще? – сказал Берни.

– Необязательно. Ты можешь просто объяснить, почему тебя сняли с дела.

Берни взглянул на меня, лежащего под столом. Один глаз у меня был приоткрыт. Я слабо вильнул хвостом, чувствуя, как начинаю засыпать.

– Мне нечего рассказывать, – сказал Берни.

Они обменялись холодными взглядами – никогда раньше между ними такого не было. Сьюзи убрала блокнот, сделала несколько шагов к двери, потом остановилась.

– Как Чарли? – спросила она чуть мягче. Берни глубоко вздохнул, потом медленно выдохнул. Я чувствовал, как в воздухе витают тяжелые человеческие эмоции – как и его, так и ее.

– В порядке, – сказал Берни. – Он в порядке.

– Хорошо, – сказала Сьюзи.

Берни кивнул. Сьюзи открыла рот, словно собиралась сказать что-то еще, но потом передумала. Вместо этого она двинулась к двери.

Веко моего единственного открытого глаза стало очень-очень тяжелым.

Когда я проснулся, первое, что я услышал – это голос Берни, доносящийся откуда-то из глубин дома. Слов я разобрать не мог, но мне нравилось просто вот так вот лежать, слушая, как Берни говорит. Затем я вылез из-под стола, как следует потянулся: передние лапы вытянуты

вперед, голова опущена к полу, задница высоко поднята – даже говорить не буду, насколько это приятно – и отправился в кабинет, туда, откуда доносился звук. Берни говорил по телефону. Он стоял у белой маркерной доски и писал что-то на ней ручкой с очень интересным запахом, который, впрочем, отнюдь не означал, что эта ручка съедобна – об этом я знал из собственного опыта. Я сел позади Берни на ковер, полной грудью вдыхая запах ручки. Белая доска была полностью покрыта рядом букв, стрелочек, рисунков. В детективном агентстве Литтла знали, что такое упорный труд.

– Понимаю, – сказал Берни. – Но я был бы очень благодарен, – он какое-то время слушал ответ. – Спасибо, я знаю это место, – он повесил трубку и увидел меня. – Пора за работу, малыш.

Я бросился к двери и домчался до нее первым.

Выбежав из дома, я точно так же первым добежал до машины и запрыгнул на переднее сиденье. Однажды Берни попробовал повторить этот трюк. Смешной тогда выдался день.

Он повернул ключ, переключил передачу – я всегда любил на это смотреть – и мы тронулись с места.

Долина простирается сразу во всех направлениях – я уже об этом рассказывал? Мы выехали на автостраду, затем съехали на другую. Поначалу движение шло медленно – я видел, что Берни это не нравится по тому, как крепко он стискивал руль – но потом пробка рассосалась, и мы рванули вперед. Порш мерно урчал – я обожал этот звук, мимо проносились запахи и смазанные в движении здания, и все это было так быстро, что голове было впору закружиться. У меня голова не то чтобы кружилась, но зато я мог откинуть ее далеко-далеко назад, так далеко назад, что нос почти касался...

– Чет! Ты что вообще творишь?

Я резко вскинул голову, выпрямился и сел, смотря перед собой, всем своим видом излучая профессионализм.

По автостраде мы проехали через горный перевал, миновали последние оставшиеся на нашем пути новостройки и торговые центры – воздух был так чист и свеж, что мои ноздри трепетали от возбуждения – и скатились по другую сторону горы, прямо в пустыню. Вскоре мы уже ехали по двухполосной дороге в почти полном одиночестве.

– А что, если мы так и поедem дальше? – сказал Берни. – И никогда не остановимся.

Я знал ответ на этот вопрос из личного опыта: у нас кончится бензин. Я перевел взгляд на Берни: он хлопал себя по карманам в поисках сигарет. В конце концов он нашел завалявшуюся под сиденьем погнутую сигарету и прикурил. Берни сделал глубокую затяжку и долгое-долгое время держал в легких дым.

– Господи, – сказал он, когда наконец выдохнул. Мне нравился запах дыма, но мне не нравилось, когда Берни так сильно нервничал. Из-за чего он вообще переживал? Я совершенно этого не понимал. Все, что я знал – это то, что он беспокоится, так что я тоже начал нервничать. Я поскреб сиденье передней лапой и через некоторое время почувствовал себя немного лучше.

Через некоторое время впереди появилась взлетно-посадочная полоса. На солнце поблескивали несколько небольших самолетов, а на ветру развевался красный флаг – Берни, правда, говорит, что с цветами у меня не очень, так что не верьте мне на слово. Вскоре мы свернули на грунтовую дорогу, вьющуюся через холмы. Когда я оглянулся назад, то увидел, как позади машины закручиваются клубы пыли, и это смутно напомнило мне кое о чем: как спускался по дороге – наверное, по этой же самой – лимузин Аделины. Я понял, зачем мы тут: для выслеживания. Мы с Берни отлично читали следы. Он часто говорил, что из нас вышли бы неплохие следопыты Дикого Запада – что бы это ни значило.

Грунтовая дорога привела нас на вершину холма, затем свернула, огибая огромную скалу с другой стороны. У ее подножия, между обочиной дороги и крутым обрывом, был припаркован мотоцикл.

Берни остановил машину позади мотоцикла. Лично я всегда любил мотоциклы, а однажды даже катался с байкерами, но это уже другая история.

Из тени вышла женщина в джинсах и футболке. Большая, сильная, очень загорелая, с короткими темными волосами и серыми висками: Нэнси, тренер Принцессы. Она смерила Берни тяжелым взглядом.

– Ты говорил, что никакой опасности нет.

– Я ошибался.

– Это уже ясно, – сказала Нэнси. – Я не понимаю, чего ты хочешь и зачем приехал.

– Мы хотим помочь.

Нэнси впервые перевела на меня взгляд.

– Вы свой шанс уже профукали.

– Давай так: оставим взаимные обвинения на потом, – сказал Берни.

– На потом?

– Это значит: после того, как мы их спасем.

– Их? – переспросила Нэнси.

– Аделину и Принцессу, – объяснил Берни. – Кто еще пропал?

Взгляд Нэнси немного смягчился.

– Никто, – сказала она. – Просто немногие сейчас беспокоятся о Принцессе.

– Гм, – сказал Берни. Так он говорит, когда чувствует себя неловко. Иногда, как, например, сейчас, он добавляет: – Ну, гм, – он прочистил горло и перевел взгляд на обрыв. – Сначала нам нужно подробное описание, что именно случилось. Начиная с того момента, как вы отсюда уехали.

Нэнси облизнула губы. Меня всегда привлекало это зрелище, не знаю, почему. Человеческие языки – довольно хилые маленькие штучки – вызывали у меня живой интерес. У языка Нэнси, например, был острый кончик. У Берни язык был более круглый и приятный глазу.

– Мы уехали спустя пару минут после... – она бросила на меня взгляд. – Инцидента с твоим, э-э...

– Его зовут Чет.

– Инцидента с Четом, – сказала Нэнси. Я завилял хвостом. Мне начинала нравиться Нэнси! А что касается слабого запаха травки – то что с того? У нас везде травкой пахнет. – Мы поехали по этой дороге, – продолжила она. – Это кратчайший путь к ранчо на Рио-Локо.

– Ты, водитель, Аделина и Принцесса? – уточнил Берни. Нэнси кивнула.

– Аделина сидела сзади, а Принцесса у нее на коленях. Я сидела к ней лицом, так что не видела, как именно все началось. Мы поднялись по дороге, выехали на поворот, и примерно здесь лимузин затормозил и остановился. Довольно резко затормозил – меня вжало в сиденье. Я услышала, как Руи нажал на клаксон, повернулась, чтобы посмотреть, и увидела, что какая-то машина перекрыла дорогу. Ну, ты знаешь, стоит посреди дороги боком. К тому времени Принцесса уже всю лаяла – она ненавидит звук клаксона. Кажется, Аделина сказала что-то вроде: «Руи, что происходит?», но он даже ответить не успел, потому что в следующую секунду нас уже окружили размахивающие оружием люди. Они были в масках – по-моему, лыжных масках – так что лиц было не разобрать. Они распахнули двери – здесь у меня уже все как в тумане – и какой-то мужик, здоровенный такой, просто схватил Аделину и стал тащить ее наружу. Я потянулась за ней, схватила ее, кажется, за лодыжку, но потом кто-то ударил меня сзади, и я повалилась на пол. Он из меня весь дух выбил, я даже шевельнуться не могла. Мужской голос прокричал что-то про ключи. Потом, наконец, я смогла подняться на четвереньки и выползла из лимузина. К тому времени пикап уже был в самом низу долины, – Нэнси указала вниз с обрыва. Ладони у нее были широкие и сильные, и я не мог перестать размышлять: как это чувствуется, когда она тебя гладит?

– Пикап? – переспросил Берни. – В первый раз ты сказала «машина».

– Разве?

– Так это был пикап или машина?

Глаза Нэнси, такие же голубые, как ее макияж, стали задумчивыми.

– Я не уверена.

– Полностью понимаю, – сказал Берни. – А затем?

– Я увидела Руи – он лежал, обмякнув, на руле, а на голове у него была глубокая ссадина.

Я позвала его: Руи, Руи, и он открыл глаза, выбрался наружу и принялся блевать.

Блевать: эту часть я точно понял. Лично меня давно уже не тошнило – последний случай был связан с тем, что оказалось пачкой жевательного табака, которую я нашел в автомобиле Никсона Панеро. Рвота сама по себе была довольно интересным процессом: до нее ты чувствуешь себя просто ужасно плохо, а сразу после ты уже совсем как новенький!

– ...проверила зажигание, – продолжала Нэнси. – Ключей не было. Я позвонила в 911, – она пожала плечами. – Вот и все.

– Сколько людей участвовало в нападении? – спросил Берни.

– Я пытаюсь точно вспомнить, но не могу. Все случилось так быстро, – Берни внимательно смотрел на Нэнси. Этот взгляд означал: он что-то о ней думает, но что именно, я понятия не имел. Нэнси, кажется, тоже заметила его взгляд. – Мне жаль, что я не могу помочь.

– Ты хорошо справилась, – сказал он. – Просто отлично. Как сильно ты пострадала?

– Физически?

Берни кивнул.

– Просто парочка синяков.

Синяки? Я знал, что они иногда оставались у людей на коже – довольно интересное зрелище. Иногда Берни просил кого-нибудь показать синяк, но не в этот раз.

– Что-нибудь ты можешь рассказать об этой машине, она же пикап? Какого, например, она была цвета?

Нэнси покачала головой.

– Что-нибудь, что помогло бы опознать напавших?

– Я же сказала, они были в масках.

– Но ты могла увидеть цвет кожи, или услышать акцент.

Она снова покачала головой.

– Может быть, что-то особенное в одежде?

Нэнси закрыла глаза. Люди так часто делают, когда им надо очень сильно сосредоточиться – как по мне, в этом нет никакого смысла.

– Извини, – сказала она. – Мне жаль, что я больше никак не могу помочь.

– Вообще-то можешь.

– Как?

– Нам нужен клиент.

– Я не понимаю, – сказала Нэнси.

– Чтобы я мог поговорить с полицией, чтобы мы могли расследовать дело – нам нужен клиент. Кто-то, кто нас наймет.

– Ты просишь меня, чтобы я тебя наняла? – сказала Нэнси. – После... После... – она бросила на меня взгляд. – Зачем бы мне вообще это делать?

– Потому что мы хороши в подобных делах, – сказал Берни. – Розыск людей. Можешь проверить – обычно этим мы и занимаемся.

– И вообще, у меня нет таких денег.

– Мы будем работать за символическую плату.

Ой-ой. Я знал, что такое символический: по моему опыту это было красивое слово, которое значило: «ничего».

– Я даже этого сделать не могу, – сказала Нэнси. – Не без одобрения.

– Чьего?

– Мистера Боргезе.

– Можем мы ему позвонить? – спросил Берни. – Прямо сейчас. В подобных случаях время играет на преступника.

Глаза Нэнси, сияющие на солнце, вновь обратились ко мне. Я решил сесть, сам не знаю, почему, и старался выглядеть спокойным, уравновешенным и хорошо обученным, надежным вдоль и поперек.

– Я вас к нему отведу, – сказала Нэнси. – Он на ранчо.

Глава восьмая

Я был на ранчо и раньше – на настоящем, работающем ранчо, как сказал Берни – во время семейной поездки, которая состоялась еще во времена Леды. Берни купил всем ковбойские сапоги – Чарли, Леде, себе. Я в обуви не нуждался, нет, спасибо большое, как я уже и говорил. Было ужасно весело – начиная с того, какими взглядами одарили Берни работники ранчо, когда он спустился к завтраку в ковбойских сапогах и своей любимой гавайской рубашке, той, что с оранжевыми цветами. Потом, когда они решили устроить состязание по стрельбе – такое, с бутылками из-под колы на заборе – и с улыбочками спросили у Берни, не хочет ли он попытаться удачи, взгляды изменились. Бам, бам – только осколки летят во все стороны! А потом оказалось, что Берни и с лассо обращается неплохо, что не стало для меня неожиданностью. Чарли тоже – он обожал лассо. Он пытался заарканить и меня, и я даже дал ему подойти поближе – только за то, что он был Чарли. Но набросить лассо я не позволил: никто меня не заарканит, неважно, ради забавы или всерьез.

Единственное, что мне не понравилось в ранчо – это лошади. Что в них такого? Абсолютно ненадежные, вечно дергаются безо всякой причины, а людям как будто все равно. Только и знают, что распинаться, как они прекрасны и великолепны, пока мне не начинает хотеться подобраться поближе к этой странной лошадиной ноге – одна кожа и кости – и совсем легонечко... Но я бы такого никогда не сделал. По крайней мере, не после того, что случилось на ранчо в прошлый раз.

Рассказываю я все это потому, что первое, что я увидел, когда мы подъехали к ранчо Боргезе – это большая белая лошадь, гарцующая в загоне, обнесенном белым заборчиком. Что-то в ней мне не понравилось с самого начала. Ранчо без лошадей – вот было бы замечательно...

– Чет! А ну завязывай!

Что завязывать? Лай? Это что, я был? Я широко-широко открыл рот, позволив языку вывалиться наружу, и попытался принять невинный вид. Губа у меня зацепилась за клыки, и какое-то время я пытался вернуть все как было.

Мы следовали вслед за Нэнси и ее мотоциклом. Она ехала быстро, всем телом наклоняясь при поворотах, и двигатель при этом ревел – врум-врум-врум – звук, от которого мне хотелось сесть прямо и наострить уши. В итоге Нэнси привела нас к воротам, на котором красовалась огромная табличка.

– Ранчо Рио-Локо, 1846, – сказал Берни. – Говорят, тут жил Дикий Билл Хикок.

Дикий Билл Хикок? Звучит по-бандитски. Хотя именно его я не помнил, но всех упоминать трудно – мы с Берни столько дел успешно закрыли.

Нэнси припарковала мотоцикл рядом с машинами, стоящими неподалеку от загона, а мы остановились рядом. Только мы успели выскочить из машины, как боковая дверь стоящей за загонем конюшни открылась, и оттуда вышла Сьюзи, на ходу убирая свой блокнот. Увидев нас, она в нерешительности замерла. Нерешительность – сугубо человеческая черта, и такая интересная: она заставляет их самую чуточку трепетать. Но что все это должно значить, даже не спрашивайте.

Сьюзи медленно к нам подошла.

– Привет, Берни, – сказала она. – Привет, Чет.

Берни кивнул. У него в арсенале было много кивков. Конкретно этот означал – что ж, подождем и посмотрим.

Сьюзи перевела взгляд на Нэнси.

– Вы ведь Нэнси Малон? – спросила она. – Тренер Принцессы?

Нэнси кивнула в манере, очень похожей на кивок Берни. Она что, еще была и Нэнси Малон? У людей очень сложные имена, понятия не имею, почему. Сколько я себя помню, я всегда был Четом, просто и со вкусом.

– Сьюзи Санчез из «Трибуны Долины», – сказала Сьюзи. – Я оставила вам несколько сообщений на автоответчике.

Нэнси облизнула губы. Мы с Берни всегда за этим следили, я – потому что любил маленькие человеческие языки, я ведь уже об этом говорил, да? А Берни – по каким-то своим причинам.

– У меня не было времени его проверить, – сказала Нэнси.

– Можете сейчас уделить мне минутку?

– Простите.

– Когда сможете? – не отступала Сьюзи.

– Я к вам вернусь, – сказала Нэнси.

– Надеюсь, что скоро, – заметила Сьюзи. – Думаю, в интересах всех, чтобы мы рассказали историю как можно точнее.

– Да ладно? – Нэнси повернулась и исчезла за той же самой дверью, из которой только что вышла Сьюзи.

И что теперь? Все это меня озадачило. Я придвинулся поближе к Берни. Сьюзи взглянула на него через полуприкрытые ресницы – словно пыталась защититься от невидимого сигаретного дыма.

– Значит, ты немного приврал, когда сказал, что тебя сняли с дела? – спросила она. – Или тут что-то другое?

– Что-то другое, – сказал Берни. Сьюзи посмотрела на него долгим взглядом.

– Берни, – сказала она. – В чем дело? Что пошло не так?

– Где пошло не так? – сказал Берни. Ага! Он ответил на вопрос вопросом. Я не до конца понимал, что тут происходит, но любил, когда он так делает.

А вот Сьюзи, кажется, не очень это нравилось – это я мог сказать по морщинкам, которые появились на ее лбу, и по тому, как сузились ее глаза.

– Ты специально ведешь себя, как идиот?

– Ну, это выражение по своему определению подразумевает умышленность.

– И зачем? В чем смысл?

Эй! Они что, спорят? От этого мне стало грустно. Сьюзи что, не нравится Берни? Или Берни не нравится Сьюзи? Я повернул голову и принялся грызть зубами шерсть на боку. Берни открыл рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент дверь конюшни открылась и в загон для лошадей вышел мужчина в сопровождении Нэнси, несущей седло. На мужчине были блестящие сапоги, а в руках он нес короткий хлыст – собственно, его я заметил первее всего – и стоял он очень прямо, но все равно был ниже Нэнси. Мужчина свистнул – резкий, грубый свист, который болью отозвался в моих ушах – и к нему трусцой подбежала лошадь. Теперь она стояла рядом, встряхивая гривой в очень раздражающей манере.

Нэнси вышла вперед и принялась седлать лошадь. Я много раз катал Чарли на спине, это было очень весело – но носить седло? Нет уж, спасибо. А эти блестящие штуки, которые Нэнси сунула в рот лошади, блестящие штуки, прикрепленные к поводьям? Сразу забудьте.

Мужчина взял поводья, поставил ногу на стремяна. Нэнси присела рядом, сцепила руки в замок, и одним рывком подняла его в седло. На каждом ботинке были маленькие острые металлические штуки, смотрящие назад, это привлекло мое внимание.

– Сам граф? – спросил Берни.

– Кто же еще? – сказала Сьюзи.

– Как у него с английским?

– Неплохо.

– Также неплохо, как у Аделины?

Сьюзи рассмеялась.

– Что смешного? – спросил Берни.

– Аделина родилась и выросла в Пассаике, – сказала она.

– В Пассаике? – переспросил Берни. Для меня это тоже было в новинку. Это что, где-то в Долине? Долина простирается вдаль бесконечно, и еще дальше? Однажды я побывал в одном приключении в Нью-Мексико, а еще я был в Сан-Диего. Мы с Берни занимались серфингом! Ну, вроде как.

– Пассаик, Нью-Джерси, Берни, – объяснила Сьюзи. – Удачи с делом.

Она развернулась и пошла к желтому фольксвагену-жуку, припаркованному у дальней стороны конюшни. Забралась в него и укатила прочь.

Берни смотрел, как она уезжает.

– Господи, – сказал он и опустил на меня взгляд. – Я что, все испортил? – Берни? Испортил? Да никогда. Я боднул его головой. – И если так подумать, у меня действительно есть эта назойливая мысль, которая, может, и правда идиотская...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.